

УБИЙСТВО НА ПЛЯЖЕ – ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ ТО ЖЕ, ЧТО И В РОМАНАХ АГАТЫ КРИСТИ: ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ

ПОВЕСТЬ

– Угол Дизенгова – Арлзорова!

Так дразнился сефардский Израиль, перевирая ударения якобы на русский лад. Это звучало как «угол Ришельевско~~й~~ – Дерибасовско~~й~~». Мол, подавай им, этим «швили», квартиру в Тель-Авиве на супер-супер-супер каком перекрестке.

Я одним махом тогда уподобил Тель-Авив Одессе, о которой имел представление лишь с чужих слов. Вроде бы сходилось. Та же средиземноморско-черноморская истома, те же крики, те же лоснящиеся телеса, кое-как вправленные в купальники. Не долго думая, я смешал тель-авивский «баухауз»¹ с губернским барокко.

Я был спасительным образом неопытен: когда свои суждения поверять нечем, тогда можно заблуждаться долго и счастливо, если не на свой счет, то на счет окружающего. Последнее платит тебе той же монетой, кричит «швили!», «вилла-вольво!». Сперва на израильскую улицу хлынула грузинская волна, я еще успел побывать в *шуре лица кавказской национальности*. «Эй, швили, тебе уже дали виллу и "вольву"?» Сами вопрошавшие рвали на себе тельняшку: «Мы из Марокко!» (правда, некоторые уклончиво называли страной исхода «дром Цорфат».²

Признаться, я стоил их – своей аляповатостью, своей заставлявшей потом краснеть аффектированностью, с которой, однако, не мог совладать. Рефлексы дурновкусия хранились в моем советском багаже. Последний хоть и выглядел ручной кладью на фоне того, что везли другие, однако и его хватило на долгое время. Добавим к этому чувство превосходства – добро б еще личного, но нет, оно было частью советско-ленинградской массовки: белоколонный зал, «Эрмитаж». Банальнейшее общее место: ночи белые – очи черные.

Когда в небе Судного дня вострубил ангел ПВО, то подростки, слонявшиеся по вымершей с вечера рехов Штерн, стали кричать мне, новенькому, который, очевидно, не понял, что стряслось: «Милхама! Милхама!»³. Они захлебывались от возбуждения, но я в ответ лишь пренебрежительно пожал плечами: их войны, день-два повоюют – и все. Разве это можно сравнить с настоящей войной, с блокадой?

Я не был совсем идиот. Так чего же я хочу тогда от полных идиотов – тех, кто всем совком 9-го мая штурмует безымянную высоту со слезами на глазах, вновь уверовав после недолгого перерыва в свою уникальность? Парк «Ха-Яркон», концерт «Из России с любовью».

¹ Конструктивистское направление в архитектуре 20-х гг. (Здесь и далее примечания автора.)

² Южная Франция (*иврит*).

³ «Война! Война!» (*иврит*). Имеется в виду Война *Йом-кипур*, Война Судного дня, в начале которой Израиль понес большие потери.

Впервые отправляясь ночью в караул, какой-нибудь тридцатилетний русский жлобьяра с мозгами Тома Сойера украдкой вливал в крепившуюся к ремню флягу, взамен воды, полбутылки дешевого местного бренди, купленного в солдатской кантине, – чувствуя себя при этом настоящим мужчиной, не в пример здешней публике, пившей только кока-колу (больше подобных опытов, правда, он уже потом не ставил).

А сам! Большой любитель Лескова, помня, что «англичан положили на зеленом шартрезе», я, как последняя свинья, накирлялся на традиционной вечеринке по случаю окончания курса «молодого бойца», демонстрируя нашим «англичанам», двум сержантам и лейтенанту, младшим меня летами, как пьют «у нас, у русских». Мои командиры с интересом наблюдали некошерное животное с близкого расстояния (и, надо сказать, подобных опытов я тоже никогда больше уже не ставил, а до того, в Союзе – сколько угодно).

Сколько себя знал, столько знал я и это зудящее, как укус (а – не расчесывай! перетерпи!), слово «Израиль», бывшее косточкой внутри того запретного, черненькой сердцевинкой того почти невыговариваемого или разве только шепотом, а ежели выкрикиваемого, то в виде хулиганской угрозы, – словом, всего того, чем был тоже помечен. Когда в 56-м году дикторский голос отчеканил «англо-франко-израильская агрессия» и я услышал про какой-то Суэцкий канал, – к тому времени я уже давно и хорошо усвоил, на чьей стороне мне тайно следует быть, – усвоил и не понимал, почему Америка вот тоже осуждает.

Когда что-либо, в том числе и непонимание, прорастает сквозь фундамент, блокируешь это «что-либо», и ручеек, глядишь, уже бежит по другому руслу, в обход сомнительных ростков, которые зачахнут, не причинив вреда.

Так было, когда Сеня Крупин сказал, что его родителей англичане держали в тюрьме. В этом я услышал что-то досадное для себя: Англия, как и Франция, как и Израиль, – это хорошо, это против Советского Союза, где мы обречены прозябать (тшшш!). А кому там было плохо, ему наоборот здесь хорошо, и выходит, они это мы, вывернутые на левую сторону. Но есть примета: наденешь что-то наизнанку, будешь бит.

Полное непонимание. Положим, Палестина, где их заключили в темницу, это всегда по смыслу было темновато. Палестина – непонятный, мягкий какой-то кокон, заключающий в себе кристаллик Израиля. Кто-то уехал в Палестину, а попал в итоге в Израиль. В учебнике пятого класса Палестину завоевывает Тутмос Третий, а в итоге туда попадают англичане. («История древнего мира»: под бесцветной картонкой обложки одно сплошное восстание рабов с перерывами на Великую Отечественную войну с персидскими захватчиками.)

А что непонятно, что противоречит и так-то нетвердому представлению о граде земном, то игнорируешь. Хотя где-то отложилось, что англичане родителей Крупина посадили в тюрьму. А вот мы сидим с ним в большом хоровом классе, оба «первые альты». Скоро я окажусь во «вторых» – к своему удовлетворению. Чем ниже голос, тем ты мужественней.

Крупин – полная мне противоположность: худенький, малокровный, черненький, с плебейской челкой на лбу, бубнящий что-то скороговоркой, опустив голову. С собой ему давали превращенные жаркой в пирожки холодные пельмени. Он доставал овальную пластмассовую коробочку с двумя полукруглыми лунками по бокам крышки, чтоб легче было открыть, и делился со мной, кудрявым холемым обжорой («Толстый, жирный, поезд пассажирный», «Лёньчик-пончик съел батончик»).

Крупин может по желанию пустить слезу: к испугу училки она выкатывается из его вдруг замигавшего большого карега глаза и медленно ползет по бледной худенькой щеке – крошечная бесцветная змейка с крошечной змеиной головкой.

Он видел вещи с неожиданной стороны, которая, будучи названа или указана, становилась их неотъемлемым признаком. «У Никитич собачья челюсть». С этого момента у девочки-сопрано с огромным бантом, сидевшей наискосок от нас, лицо по-собачьи вытягивалось вперед.

Обычно на гардеробе Крупина ждала мать, но случалось, за ним приходил отец, по моим понятиям, жалкого вида по сравнению с другими отцами: в возрасте, колтун седовато-пыльных волос, усики, как у грузина или фотографа. Много позже, когда Сени Крупина давно и след простыл, — его отчислят из класса пятого — я вспомню этого человека, посмотрев кинокомедию с участием братьев Маркс. Не скажешь, что на одного из «братьев» он был похож, но именно о нем я сразу подумал, и это сближение осталось навсегда, как навсегда остались в памяти рисунки его сына, вернее сказать, сюжеты — рисовал Сеня Крупин так себе, хуже меня, хотя положение обязывало: родители художники, он даже подписывался двойной фамилией, Крупин-Вайзер, — и матери, и отца. В том, что он рисовал, главное было не рисунок, не сюжет, а название. Вероятно, в душе он соперничал со мной — хоть в этом. А то ведь нечем было гордиться. Своей скрипичной профнепригодностью? Немолодыми, побитыми жизнью родителями? Тем, что был самым слабым в классе и, ежели чего, пускал в ход ногти?

Однажды в медпункте при мне ему сказали: «Но ты знаешь, что у тебя искривление позвоночника?» Я посмотрел, внутренне содрогнувшись. Но кроме лопаток из спины у него ничего не торчало. На елку многим шили настоящий наряд: «трех поросят», «снежинок», что-нибудь по мотивам «Клуба знаменитых капитанов» — а не как мне: очки с носом из папье-маше за два пятьдесят, старый тётъзоин больничный халат, и ступай Айболитом. Крупин появился в чалме и в сказочном марлевом одеянии, скроенном отнюдь не на скорую руку: видно, что мать потрудились. Под конец водили хоровод вокруг елки и тревожно пели:

Дети разных народов,
Мы мечтою о мире живем...

— И турок давай сюда... — массовичка-затейница совершенно неправильно истолковала костюм на нем, — не слыша его возражений, что он не турок, что он Маленький Мук, вот же горб.

В эти грозные годы
Мы за счастье бороться идем.

«Небось обсуждали дома, выбрали какого-то маленького Мука горбатого...» В той семье всё было с приветом. С большим приветом.

В одном состязательном пионерском мероприятии мы оба «позиционировали» себя художниками. Моего «Поддубного», с древнегреческой мускулатурой, в «семейных» трусах-мопассановых усах, раскрашенного цветными карандашами, комиссия оценила по максимуму. Крупина — на четверочку с минусом. Его рисунки повергли в недоумение членш комиссии.

— И все-то у тебя страшное.

Действительно, под одним было написано: «Страшное открытие» — космонавты на Луне, дойдя до оборотной ее стороны, стоят «у края стремнины»: сзади Луна совершенно плоская. Другой назывался «Страшная танкистка»: крышка люка откинута, и наружу просунулась собачья морда, на голове бант. Еще был рисунок, изображавший женщину, которая смотрит, как трое дерутся, а вдали пароход — с торчащим из него веником: это означало взрыв. И название: «Страшная тайна, убийство на пляже».

– С чего это ты вдруг? – вырвалось у одной членши.

«Ежегодно яблоньку нашего класса трясло. Несколько рожниц осыпалось. Паданки эти навсегда исчезали из моего поля зрения – оттого, должно быть, что я не глядел под ноги. Ненаполненные судьбами, их имена сплужились под толщей времени, стали как поминальный список...» – напишу я во «Врунье». Полагая, что пора «сойти со сцены» – бросить писать, я решил назвать так свой последний рассказ, намекая на последний рассказ Томаса Манна «Обманутая». И сам же обманулся: два года не дышал, прятался за чужой роман, пока снова не ожил, пишу и пишу – этаким Лазырем Невмырущим. Мораль: не устраивай литературных смертей – ни себе, никому.

В самой же «Врунье» я поместил цитату из другого своего текста (мой текст – мой сон, а известно, к чему это, когда во сне встречаешься с самим собой – так обставлял я свой конец, свои литературные похороны): «В конце года "профнепригодные" бесшумными тенями отлетали в свой аид... Отчисленный ребенок, по крайней мере мной, воспринимался как умерший – случайная встреча с ним в городе казалась событием спиритического порядка».

Смерть Сени Крупина в пляжном городе Сочи, куда якобы они переехали, выглядела логично, тем более, что поведавшая о ней школьница говорила голосом своей вездесущей мамы (та самая Никитич, по слухам, сделавшая аборт от преподавателя флейты Добрынина).

Про Палестину, из темницы которой выпорхнул Израиль, я знал преступно давно. Но кто такой был Арлозоров, давший стольким центральным улицам свое имя? Это «рлоз», очень нерусское, несмотря на окончание, а если русское, то противное, почти «мурло-с», мне было в диковинку, равно как и то, что я на этой улице – «швили».

«Толпа, красочная, дышащая всеми порами своего смуглого тела, всегда словно с мокрыми волосами; несмотря на поздний час, по-южному избыточная детьми, – прощай! Где мы еще свидимся? Где-то поблизости был убит Арлозоров (и кто только не выходит гулять на набережную!). Это убийство останется нераскрытым, как и всякое убийство, когда друзья наравне с врагами заинтересованы в сокрытии тайны. Может быть, даже жена... Меня никогда не интересовал ни сионизм, ни его святые. Я не перевариваю официоз ни в каком виде. Но живя в Израиле, невозможно не поинтересоваться, кто же такой Арлозоров. Как во Франции в каждой дыре есть рю Женераль Леклерк, а в Германии, всячески подчеркивающей свои гражданские добродетели, в отличие от ищущей воинской славы Франции, немислим никакой город без Ратенауштрассе, так и в Израиле ни один центр или центр города не может обойтись без рехов Арлозоров».

Цитировать себя по любому поводу можно не только из нарциссизма, но также из мазохизма, садизма – как сказал бы Гумберт Гумберт, распределяйте сами. Что бы там ни было, о «свое» царапаешься на каждом шагу.

Продолжаю самоцитирование – все оттуда же, из «Обмененных голов» (не томасманновских, а моих): «Его предполагаемый убийца – 1933 год, набережная Тель-Авива, – оправданный ненавидевшими Арлозорова и ненавистными ему, германофилу, англичанами, был тоже убит. Жена Арлозорова чего-то всю жизнь не договаривала. Так, по крайней мере, мне было сказано».

Монументальный труд Шмуэля Каца «Одинокий Волк» («Одинокий Зеев»)⁴ насчитывающий полторы тысячи страниц пристрастнейшего текста, в русском переводе приобретает дополнительное очарование, прошу пани: «Бен-Гурион выпускал статью за статьей, которые истово поставлял корреспондент "Хайнт" в Палестине,

⁴ «Зеев» на иврите означает «волк». Если в России носивший имя «Вольф» становился «Владимиром», то в ивритоязычной Палестине «Вольф-Владимир» превращался в «Зеева».

наполненные неправдой и слухами, которые распространялись в Палестине о ревизионистах – "фашистах", "гитлеровцах" и "подстрекателях убийства". То, как Кац в «Одиноком волке»... тут мне вспомнился «Белый волк» Шварца – о Чуковском, литературном крестнике Зеева Жаботинского... кругом одни волки: одинокие, белые, степные – как ни крути, стая... в общем, то, как Кац излагает фактическую сторону убийства Арлозорова, по-русски «читабельно», если только прищуриться и не дышать носом:

«В пятницу 16 июня 1933 года около половины одиннадцатого вечера Хаим Арлозоров, глава политотдела Еврейского агентства, был застрелен, когда гулял со своей женой Симой по тель-авивскому пляжу. Он скончался после полуночи в больнице "Хадасса".

Он вернулся в Иерусалим за два дня перед тем, после двухмесячного пребывания в Европе.

Они с женой решили, что днем в пятницу, после того, как он побывает у себя в офисе, он проводит ее в Тель-Авив, где у них была квартира. Через несколько часов в Тель-Авиве они собрались отправиться в гостиницу в Яффе, где они будут одни и где Арлозоров сможет отдохнуть. Но утром он принял приглашение на ланч к сэру Артуру Ваучопу, верховному комиссару. Сима поехала в Тель-Авив одна. Хаим должен был приехать туда после ланча. Но его опять задержали – во время ланча Ваучоп предложил ему вместе поехать в село Бен-Шемен, и он согласился. Таким образом, он приехал в Тель-Авив только в 5.15 пополудни. И тогда они решили остаться на ночь в Тель-Авиве. Они отказались от приглашения пойти обедать к матери Арлозорова и решили пообедать в отеле «Кете Дан», на берегу моря. Около половины десятого, после обеда, они решили побродить по берегу. Г-жа Арлозорова потом настаивала, что они о своем намерении никому не говорили.

Они дошли до реки Яркон, за старым мусульманским кладбищем. Этот кусочек берега Арлозоровы в обычное время не выбрали бы для прогулок. То было место парочек, которые чувствовали себя на песке совершенно свободно. Причина, по которой они сделали этот выбор, заключалась в том, что они хотели выяснить отношения после ссоры – "стычки", как выразилась потом г-жа Арлозорова.

Луна находилась в последней четверти, светили только звезды, и было совершенно темно. Г-жа Арлозорова чувствовала себя неуютно и несколько раз говорила, что ей боязно, и вспоминала недавние убийства евреев арабами, но Арлозоров ее успокаивал, и они продолжали свою прогулку. Она заметила двух мужчин, высокого и маленького, которые, как ей показалось, шли за ними следом. Иногда те их опережали, а потом опять оказывались позади. Она что-то сказала о странном поведении высокого, который стал мочиться в море. Арлозоровы пошли обратно, к отелю. Вскоре эти мужчины к ним подошли. Высокий включил на минутку фонарик и спросил у Арлозорова на иврите без акцента, который час. Тот сердито ответил: "Почему вы нас беспокоите?" (в книге Саббатая Тевета "Убийство Арлозорова" он говорит: "Не твое дело.") – и тогда маленький выстрелил из револьвера, и Арлозоров упал. Оба убежали. Г-жа Арлозорова стала кричать: "Евреи убили его!", но он сказал ей по-русски: "Нет, Сима, нет".

Здесь кончается версия г-жи Арлозоровой об их передвижениях и выстреле».

У Жюля Верна один из матросов на «Наутилусе» в момент гибели закричал по-французски, чем выдал «страну исхода» (возможно, тот же «дром Цорфат»). Экипаж «Наутилуса» говорил на некоем измышленном капитаном Немо эсперанто – языке, одинаково неродном для всех. Со временем на нем возникла бы литература, поэзия – стараниями опять-таки капитана Немо. Музицировавший под водой на органе Немо – натура художественная.

И тем же был иврит для Хаима и Симы Арлозоровых. «Рак иврит»⁵ было девизом самозарождавшейся нации. По Тель-Авиву шастали «иврито-комсомольцы» – бригады Легкой кавалерии, как бы их называли в мандельштамовской Москве. Заслышав идиш, они бросались в бой. Когда сегодня какой-нибудь Мыкола Волапюк кивает на израильский опыт, то вспоминаешь Мандельштама:

Мякнул кот и конь заржал,
Казак еврею подражал.

Жертвою одного такого казачьего разъезда стал еврей, прогуливавшийся по набережной и сказавший своему спутнику:

– Хазэр хот зих оф ди андэрэ зайтэ гедрэйт,⁶ – речь шла о русской революции.

«Как ему не стыдно! Как он может! – набросились на него иврито-дружинники. Хаим Нахман Бялик! И вдруг на идиш!»

– Вы что же, – ответил Бялик, – считаете, что в такую жару я еще должен говорить на иврите?»

В половине одиннадцатого ночи в полной темноте («Луна находилась в последней четверти, светили только звезды».) Сима кричала на иврите, как в зал – как если б сколько-то билетов было все же продано и зрители имелись:

– Евреи убили его!

Сперва Арлозоров стоял в позе, какую пять раз на дню принимает благочестивый суннит: ранение в живот – мучительнейшее. Сказанное в ответ ей по-русски «нет, Сима, нет» опровергало, что стреляли евреи. Арабы! Истекающий кровью, он лично свидетельствует против арабов. То же повторял он и в больнице, вплоть до самой операции, которую не переживет. Из слышавших это никто не будет вызван в суд – ни полицейский Шмулик Шармейстер, ни хирургическая сестра Лола Блюмштейн, у нее Арлозоров несколько раз спрашивал о Симе: придет ли она, скоро ли она придет? (Сорок минут прошло, пока нашли хирурга, и то неумы.)

Между тем Сима Арлозорова в сопровождении верхушки лейбористской партии, Элизера Каплана, Элиягу Голомба и Дова Хоза, – сегодня это всё названия улиц – ездил в главное полицейское управление Тель-Авива. Там ей показали фотографии коммунистов, состоявших на учете в полиции, – всего около шестисот снимков, как евреев, так и арабов.

Однако уже через день по подозрению в убийстве Арлозорова был арестован Авраам Ставский, недавно прибывший из Польши активист «Бейтара».⁷ Стрелка компаса, дрогнув, недвусмысленно указала направо. Ставскому на процессе будет отведена роль «высокого с фонариком» (условно «№1»). Месяцем позже к нему присоединится и «маленький с револьвером» («№2»), полиция выбрала на эту роль жителя Кфар-Сабы Цви Розенבלата – на основании заявления кибуцницы Фейгиной, которую Розенבלат незадолго до того обозвал «блядь». Третьим обвиняемым будет Аба Ахимеир, известный скандалист. Вместе со Ставским они снимали комнату в Тель-Авиве, в «помещении барачного типа». Ахимеир обвинялся в подстрекательстве. Почему бы и нет? Сегодня в РФ его бы точно осудили по

⁵ «Только иврит».

⁶ Свинья перевернулась на другой бок. (*идиш*).

⁷ «Бейтар» – аббревиатура от «Брит Йосеф Трумпельдор» (Союз Иосифа Трумпельдора). Организация, созданная Жаботинским. Иосиф Трумпельдор, русский сионист, добровольцем участвовал в русско-японской войне, под Порт-Артуром потерял руку, снова вернулся в строй, попал в плен. С 1911 г. в Палестине. Вместе с Жаботинским сформировал еврейский полк в составе британской армии. В 1920 г. погиб в перестрелке с арабами у поселения Тель-Хай.

обвинению в экстремизме и разжигании межнациональной розни. В его «Записках из мертвого дома», названных им «Репортаж с отсидки», читаем:

«По словам Достоевского, обитатели тюрьмы дают представление о народе в целом. Если это верно и в отношении арабов, то картина получится весьма неприглядная: все они поголовно доносчики, ханжи, развратники. Не меньше женщины их возбуждает мужчина, подросток, животное. Житель Шхема имеет обыкновение обращаться к ребенку с такими словами:

– Я улад! (Эй, мальчик!) Почем твой "арбуз"?

Араб впечатлителен. В мгновение ока у него меняется настроение. То "всё пропало", то "всё будет наше". Арабу-арестанту нельзя верить. Кажется, он твой друг, но внезапно в нем просыпается зверь, и тогда он может всадить тебе нож в спину. На прогулке по тюремному двору ты словно в клетке с хищниками. Последнее оружие еврейского и вообще европейского арестанта – голодная забастовка. Последнее оружие арабского арестанта – нож...». И далее: «В каждом сыне Востока мирно уживаются блюдолиз и наглец. Все зависит от конкретной ситуации. Как и любой англичанин в колониях, мистер Стилл любит, чтобы natives перед ним работопыствовали, и вот в этом-то заключается источник ненависти британского колониального чиновничества к евреям. Я абсолютно уверен, что во всей тюрьме не нашлось ни одной пары еврейских губ, которые почтительно прикоснулись бы к белесой, покрытой тоненькими волосками руке этого пузатого англичанина. (Разве что несчастный Нисим, уроженец Адена.) А арабы целовали, и еще как целовали!»

Обвинение в причастности к убийству Арлозорова было с Ахемеира снято. Об уголовном же преследовании за разжигание ненависти на религиозной или расовой почве тогда и слыхом не слыхивали, да еще в подмандатной Палестине, где по-прежнему действовал турецкий кодекс. Тем не менее Ахемеир провел год и девять месяцев на бывшем Русском подворье, переоборудованном в Иерусалимскую центральную тюрьму. Ровно столько ему вlepили за хулиганство. Предвосхищая воздушную гимнастику гринписцев и нацболов, он оседлал флагшток германского консульства в Иерусалиме и учинил расправу над известным флагом – подобием которого сегодня с таким сладострастием размахивают те же нацболы. Ахемеир, как и они, был сладострастником по части «где бы нарваться», например, свою редакторскую колонку назвал «Из блокнота фашиста» – назло сионским мудрецам, принятым в хорошем обществе: эти никогда не признавались в своих связях с дуче, вполне реальных, в отличие от Ахемеира. Политика – штуkenция грязная. Публично отдаешься Владычице Морской, а сам вступаешь в тайные сношения с Покорителем Абиссинии: мол, хотим научиться у вас, италяшек, морскому делу.

Так что попытка обвинить в убийстве Арлозорова евреев из ревизионистского лагеря – это, как сказали бы сегодня, черный пиар. Накануне Восемнадцатого сионистского конгресса в Праге лейбористы во главе с Бен-Гурионом во что бы то ни стало стремятся дискредитировать «фашистов» Жаботинского, под градом камней марширующих по улицам Тель-Авива в своих коричневых рубашках.

Для Шмуэля Каца, автора «Одинокого Зеева – одинокого Зевса», наоборот, ясно как божий день, что Арлозорова убили арабы. Разве точно так же не были убиты и зарыты в песок Йоханан Шталь и Сура Зохар, которую при этом изнасиловали. «То было место парочек, которые чувствовали себя на песке совершенно свободно». Настолько свободно, что туда, как на охоту, выходили арабы – сыграть коротенькую партию в «третий лишний», сперва устранялся «третий», а уж потом заодно и «второй» (Сура Зохар).

В сущности, Шмуэля Каца мало волнует, кто убил Арлозорова. Это типично. Арлозоров левый, из компании Бен-Гуриона. В любом случае не ревизионистам мстить за него. Главное, что это сделали не мы. Главное показать, что следствие

велось с нарушением всех юридических норм. Материалы дела подтасовывались, на что суд, признавший вину Ставского доказанной, сознательно закрывал глаза.

Смертный приговор был вынесен ему 8 июня 1934 года. Розенблата оправдали за недостатком улик – «блядь» Фейгина к тому времени уже вернулась в Румынию. Имя Ахимеира с убийством на пляже больше не связывалось, но нельзя же этого хулигана просто так взять и отпустить, по нем тюрьма давно плачет. Что он там организовал? «Союз зелотов»⁸? А ну-ка вклепим этому зелоту, этому лимоновцу.

Дело Ставского велось полицией, положившей для себя любой ценой найти виновного. Не постоять за ценой в этом случае предполагает безграничную щедрость – вплоть до готовности расплатиться истиной. Отсюда внутриведомственная круговая порука. Тем более, что своим «КПД» палестинская полиция похвастаться не могла, особенно когда это касалось еврейского населения страны: убийства, поджоги магазинов, нападения на кибуцы и фермерские хозяйства – все это оставалось безнаказанным. А тут застрелен еврейский лидер, «друг» верховного комиссара – неважно, что эта «дружба» обнесена кавычками из колючей проволоки, наподобие той, за которой время от времени оказывались нелегальные эмигранты из Восточной Европы. Сам Арлозоров в одном из писем к Вейцману – президенту Всемирной сионистской организации, в будущем первому президенту Израиля – не то что допускал возможность вооруженного восстания против англичан – говорил о его неизбежности. Да и зачем он ездил в таком случае в Германию, откуда вернулся за два дня до смерти? Не для того же, чтоб повидаться со своей первой любовью. Последнее Сима не исключала – совершенно справедливо, поскольку от этой встречи зависел «успех нашего обреченного дела». Но тогда... Кто тогда, весной 1933 года, до конца отдавал себе отчет в буйном помешательстве национал-социализма – кроме Жаботинского? Ведь как думали: перемелется – мука будет. Все же немцы, все же великая сухопутная нация. И к этой поездке Арлозорова в Германию, и к подозрению Симы, и к письму Арлозорова Вейцману – ко всему этому я еще вернусь.

Итак, полиции позарез нужен убийца, все равно кто, араб-насилник или еврей, – агент Коминтерна. Предпочтительней последний, если согласиться с еврейской точкой зрения и признать действия властей проарабскими, что само по себе еще не факт, – «палестинцам», как тогда называли евреев в Палестине, во всем мерещился мировой антиссионистский заговор. Лишнее подтверждение, что перед конспирологией все нации равны. Хотя первой, естественной реакцией у полиции действительно было: коммунисты.

Для лейбористов коммунисты – это, конечно, плохо, очень плохо, но – перефразируя поговорку – внешний враг лучше старых драк. Тех, что происходят внутри Всемирной сионистской организации. («Вообще-то я его в тот день не видела, но в Объединении профсоюзов мне сказали, что даже Талмуд разрешает давать ложные показания против плохих людей, которые хуже коммунистов», – так квартирная хозяйка Ставского объяснила свое поведение в суде.) Коммунистическая партия не претендует на руководящую роль в сионистском движении, не с нею, а с «Бейтаром» предстоит побороться за голоса на выборах в сионистский конгресс, и если б убийцей оказался «бейтарник»... Боже, сделай так, чтоб им оказался «бейтарник»... А Бог: «Это не ко Мне, это к полиции». «Полиция, сделай так, чтобы им оказался "бейтарник"». Полиция: «Нет уж, это вы сами сделайте и нам свое издательство преподнесите, а уж мы привередничать не станем. У нас нелады с отчетностью».

⁸ Так переводчик, принципиальный антибуквалист, переводит «Брит-ха-бирьоним», «Союз бунтарей», основанный Абой Ахимеиром.

Интересы палестинской полиции пересеклись с интересами Рабочей партии. В точке пересечения оказался Ставский, попал под перекрестный огонь – так в кинохронике грядущей войны белый крестик бомбовоза оказывается в промежуток двух шагающих по небу лучей, и тут же по промежуток бьет пунктир зенитного огня. И если бомбовоз английский, у нас разрывается сердце, – а немецкий, ну что ж...

Шмуэль Кац льет кипятком на непокрытые лысины исповедующих марксизм – всех этих мощкиных, кацнельсонов, бен-гурионов: полюбуйте, на что они были способны – погубить ни в чем не повинного человека, молодого парня, полгода как в стране! Притом что любое сомнение воспринимается как отступничество, как переход на сторону ревизионистов (а кому охота, чтоб ему мазали ворота дегтем!). А полюбуйте на это следствие, на этот суд. Сима Арлозорова, в первый вечер показывавшая, что один из двух нападавших был точно арабом, по прошествии полутора месяцев узнает в Розенблате убийцу своего мужа. А то, что она, не колеблясь, узнала Ставского – которого видела мельком «в мерцанье звезд»! Ну как же, госпожа Арлозорова говорит... И ни присяжных, ни судей (за исключением одного судьи-сефарда) не смущает, что у свидетельницы – единственной свидетельницы убийства – стрелявший перемещается с места на место, как шахматная фигура на доске: сперва «№ 2» стоит напротив ее мужа, потом, когда выяснилось, что пуля вошла справа (поначалу даже искали левшу, совсем как в романах), происходит рокировка.

Английскую администрацию такое положение дел устраивало. Синедрион хочет заполучить в душегубы эту троицу? Сделайте одолжение, берите, в первый раз, что ли... Теперь, правда, их отправят воскресать не на видное место, а в закрытое помещение – к которому у Абы Ахимеира, большого ценителя Достоевского, обостренный интерес, в его положении оправданный.

«Говорят, что казнь Али прошла неудачно. Узел веревки затянулся слишком близко к подбородку. Это противоречит regulation. Узел должен находиться, согласно regulation, под левым ухом, если я не ошибаюсь. Короче, вешатели Али допустили ту же оплошность, что случается и у опытного резника. Результат, правда, тот же самый: Али повешен и умер точно так же, как умирает корова – вне зависимости от того, можно ли есть ее мясо или нельзя».

Ахимеир подробно описывает, как сержант Шиф, «добрый еврей и отец двух прелестных дочерей», надел на голову приговоренного к смерти «черную кафию» (кафия – мужской арабский платок), а сверху обычный акаль (черный веревочный жгут), и что после того, как мистер Стилл потянул за рычаг, пульс у Али еще прослушивался целых двенадцать минут, а в прошлый раз у Абу-Джильды лишь семь, и что накануне у Али измерили рост, но не от пола до макушки, а от пола до шеи, «этих Дарданелл человеческого организма», а также взвесили его, чтобы потом отретировать повешение на матрасе с равным по весу количеством песка внутри, и что почему-то, вопреки кодексу чести, Али, пока его вели из «зинзаны» (здесь – камеры смертника), ничего не крикнул на прощание другим заключенным, ожидавшим, что такой «джеда» (герой) устроит шикарное представление, но Али молча проследовал по коридору: должно быть, сердится на нас за что-то – решили заключенные, – ишь ты, не снизошел... вот Абу-Джильда, тоже джеда, тот, идя по коридору, не только крикнул: «Хатиркум, я шабаб!» («Прощайте, ребята!»), на что в ответ из всех камер раздалось: «Хатрак!» («Прощай!»), но еще в придачу расцеловался с приставленными к нему надзирателями и поцеловал мистеру Стиллу руку – ту, что вот-вот распахнет у него под ногами воротики рая, – а вы говорите: «Достоевский», «русская душа» – да он понятия не имел, что есть в мире книги, кроме Корана, из которого, и то наверняка, знал одну лишь единственную фразу,

повторенную мистером Стиллом его братьям, когда те явились за телом: «Убийца да убит будет».

С большим воодушевлением Ахимеир пишет и о веревке, на которой повесят его, Ставского и Розенבלата. Оказывается, она сделана специально для этой цели. «У английского народа, властителя морей, весьма развито веревочное ремесло, прежде, во времена парусного флота, потребность в веревках и канатах была велика. Производство же веревок для виселиц – особая отрасль. И дожидается такая веревка своего часа в специальном футляре из тонкой кожи. К одному ее концу прикреплено металлическое кольцо. В отличие от виселицы, она предмет единоразового использования. (“Тогда как в России все наоборот, – прибавляет Ахимеир, который родом был из Минской губернии, – стационарных виселиц нет, каждый раз рубят новую, а веревку прячут: пригодится.”) Затем к веревке привязывают бирку, на которой начертано имя повешенного и дата повешения, и кладут в ящик к другим веревкам, уже бывшим в употреблении. Ящик этот находится на хранении в Главном полицейском управлении, располагающемся на Русском подворье в Иерусалиме».

Сима топила Ставского как могла, делала все, чтобы Ставский и Розенблат разделили судьбу вышеупомянутых Али и Абу-Джилды. Можно ведь сказать: один из нападавших был точно араб. А можно сказать: один из нападавших был точно еврей. Она пошла дальше, теперь она настаивала на том, что оба, и тот, что с фонариком, и тот, что стрелял, были евреи.

Из своего вынужденного «далёка» Жаботинский⁹ недоумевал: зачем она это делает? «У меня нет разгадки этой “внутренней” тайны. На ум приходит роман Дю Морье “Трильби”: женщина, не способная отличить пение “Марсельезы” от чтения хором 127-го псалма в англиканской церкви, поет, как соловей в садах Шахерезады, под взглядом гениального гипнотизера. Боюсь, что и на сей раз где-то в райке спрятался всесильный гипнотизер, и по его тайной воле, не помня себя, не ведая, что творит, г-жа Арлозорова дает столь бесценные для обвинения свидетельские показания. Некоторые из них, согласитесь, абсурдны. Человек с фонариком обратился к ним на иврите без акцента – стало быть, он еврей. На месте судьи я бы задал вопрос свидетельнице: как можно говорить без акцента на иврите, языке вновь созданном, языке, который *par définition* моложе тех, кто на нем говорит? Ставский изучал иврит в Польше, но, предположим, он говорит на иврите без польского акцента. Значит, с каким-то другим: румынским, русским? А может, арабским? Но самым поразительным является *безошибочное* опознание г-жой Арлозоровой Розенблатова пиджака (не самого человека, а его пиджака) среди десятка других, из которых два имеют примерно тот же рисунок. И это спустя сорок три дня! И это при том, что последний свидетель – Вайзер (идиот, который сидел на берегу с девушкой, чей цвет глаз он даже не заметил), находясь в двадцати метрах, вообще ничего не видел, и только подбежав, увидел женщину и раненого человека. Из рук вон скверная видимость, скажете вы. Но г-же Арлозоровой это не помешало разглядеть на убийце пиджак с красной ниткой. Вот вам свидетельница, наделенная почти сверхчеловеческим зрением и столь же невероятной зрительной памятью – такова была бы моя реакция, будь я одним из судей. А я утверждаю: именно немислимое опознание пиджака – самая гнилая часть всей этой подозрительной постановки. Перед судом дилемма. Принять во внимание эту красную нитку, у которой в действительности совсем другой цвет? Но это означает открыто признать, что все дело шито белыми нитками. Поступить иначе,

⁹ Обвиненный в создании военизированных отрядов Жаботинский, после попытки прорваться в иерусалимский Старый город для защиты еврейского квартала (1921 г.), был приговорен британским военным судом к пятнадцати годам каторги, позднее замененной высылкой из Палестины.

усомниться в сверхъестественном зрении свидетельницы? Опять же признать то же самое. Оба решения предполагают вердикт «невиновен».

«Одинокий Зеев» в который раз оказался прав: Розенблата оправдали, как говорилось в приговоре, «на основании того, что суд принимает во внимание доводы защиты, оспаривающие идентификацию личности подсудимого, произведенную госпожой Симой Арлзоровой». Говоря другими словами, словами Жаботинского, «суд не решился сохранить для потомства свидетельство своего бесчестья».

Жаботинского обожают все, от Нины Берберовой до Леонида Гиршовича, хотя последний и оговаривается: «Именно то, что помешало Жаботинскому стать значительным явлением русской литературы, сделало его предводителем "еврейского казачества". Но дарование художника будет подороже таланта политика. Поэтому для нас Жаботинский – в первую очередь писатель». ("«Вий», вокальный цикл Шуберта на слова Гоголя».)

Да и как можно не любить этого человека, который тогда же, в одной из своих статей, пишет, как бы в развитие темы «Трильби»: «Прошу читателя послушать и подумать: женщина гуляет с мужем за городом. Мужа ранят пулей в живот; не надо быть врачом, чтобы понять, как это опасно и как болезненно. Она зовет на помощь, и на крики ее сбегается несколько мужчин. Что бы сделала потом любая нормальная женщина? Спросите вашу жену, вашу сестру, вашу невестку, и вы услышите в ответ: она осталась бы возле своего раненого мужа. А помчаться в город и оттуда позвонить в больницу и в полицию она бы послала одного из молодых людей, во-первых, потому что они добегут быстрее, чем она, а главное, потому что она не захочет оставлять своего раненого мужа. Если его надо будет отправить в город без носилок, нормальная жена, сестра или невестка не позволит, чтобы это было сделано без нее, она пойдет с теми, кто его понесет, она скажет им: "Пожалуйста, ради Бога, будьте осторожны", она присмотрит, чтобы его не трясли напрасно. Если ему придется ожидать на месте, пока явятся люди из госпиталя с носилками, она останется с ним, подбадривая его, повторяя ему: "Они скоро приедут, потерпи, рана неопасная". Она прибыла бы вместе с раненым в госпиталь, бросилась бы к дежурному врачу, к сестре, спросить, не находится ли муж в опасности, она просила бы: "Пожалуйста, разрешите мне остаться с ним, можно?" И если б в госпитале появился полицейский, чтобы ее допросить, она бы вышла к нему на цыпочках, на минутку, и прибежала бы обратно к постели мужа – чтобы оставаться с ним до тех пор, пока его не повезут на операцию».

Это больше напоминает речь адвоката, который не совсем достойными средствами, то есть с помощью лубочной картинки, отвечающей представлениям двенадцати мещан-присяжных об идеальной жене, хочет вызвать в них предубеждение против госпожи Арлзоровой и того, что она говорит. Но мы-то знаем, что Жаботинский честен, благороден – для политика, быть может, слишком благороден и слишком честен. Трогательный женский образ в духе «Мама, папа ранен!», набросанный им на скорую руку, соответствует также и его пониманию того, какой должна быть любящая женщина, – а женщина для него в первую очередь должна быть любящей. Жену Жаботинского звали Аней, сестру – Таней, кого из них двоих представил он себе мысленно на месте Симы Арлзоровой? Так и хочется послать ему – снедаемому тайными воспоминаниями о детстве, о доме, о родной Одессе – воздушный поцелуй.

Когда следствие уже распределило все роли, некто Абдуль Маджид, осужденный за убийство, – из тех, кого Ахимеир портретировал «черным по черному», – вдруг взял да и заявил: Арлзорова убил он. Вернее, их было двое, он и его подельник Иса Дервиш.

Сразу же от полноводного потока, уносившего Ставского прямехонько в «зинзану», отделился ручеек надежды, о чем защита на первых порах даже не была по-

ставлена в известность – злокозненно (по уверениям Шмуэля Каца) или как того требовал закон на данном этапе «следственных действий» (по утверждению Шабтая Тевета). Впрочем, это даже неважно, главное – заявление Маджида не было положено под сукно, следственные действия производились, хотя в их оценке Шмуэль Кац и Шабтай Тевет расходятся.

Причины добровольного признания в убийстве Арлозорова Кац не касается, как если б психология уголовника-араба не стоила того, чтобы в ней разбираться: чего там, Ахимеир уже разобрался, а кто не готов с ним согласиться, пусть сперва повторит его опыт, пусть напишет свой «репортаж с места событий». Вместо этого Кац приводит примеры недобросовестного обращения полиции с фактами, вплоть до уничтожения улик – пуль от пистолета, найденного при обыске у Исы Дервиша, «того же типа, что были использованы при убийстве Арлозорова», и т.д.

Маджид подробно рассказал обо всем, что происходило на берегу, – почему то отставали, то догоняли: вдруг обнаружили, что заклинило затвор, и пришлось остановиться, при свете фонарика ковыряться в механизме и в результате зарядить более подходящим патроном, который лежал в кармане среди крошек просыпавшегося табаку... (вот она, цена «пули того же типа»); рассказал, как он демонстративно помочился в море, объяснив, что они хотели изнасиловать женщину, – ну, он и покуражился «с мочеполовым оттенком».

Одна, на первый взгляд незначительная, деталь в показаниях Маджида привлекает внимание Каца: «Человек хотел бороться». И правда, напоминает Кац, загадочным образом на пиджаке Арлозорова не доставало пуговицы. Выросший в Германии и получивший степень доктора в Берлинском университете, Арлозоров был типичный «йекке»¹⁰, аккуратен, подтянут. Такой бы не потерпел у себя на пиджаке оторванной пуговицы – хотя, надо полагать, не это явилось причиной их давешней «стычки» с женой. Пуговица же – возвращаясь к ней – не просто отсутствовала, она была вырвана, что называется, с мясом. (Уже второй пиджак в этой истории: вспомним пиджак Розенבלата. Как вам это нравится, в Тель-Авиве в середине июня все разгуливают в пиджаках! А ведь мылись наверняка реже, чем теперь, – у Ахимеира, на двоих со Ставским снимавшего комнату в бараке, «удобства» были во дворе, канализация отсутствовала, по утрам балагола на старой кляче подвозил воду в большой жестяной бочке.)

«Нельзя себе вообразить, – пишет Кац, – чтобы доктор Арлозоров, глава внешнеполитического ведомства Сохнута, можно сказать, дипломат, – и на ланч к верховному комиссару отправился с висящими нитками на месте оторванной пуговицы, да еще потом в таком виде пошел с женой гулять».

По мнению Каца, это не только подтверждает сказанное Маджидом, но и объясняет, почему пуля, попав Арлозорову в правый бок ниже ребер, поднялась до уровня левой лопатки: к моменту выстрела он уже принял позу «творящего намаз» (результат его «желания бороться»). Но если это так, то это находится в вопиющем противоречии с рассказом Симы, которая ни словом не обмолвилась о завязавшейся драке.

Признание Маджида важно для Каца лишь в той мере, в какой позволяет уличить Симу во лжи. Не принимая целого, он тем не менее на производной от него части строит некие рассуждения. Когда так поступают другие в отношении нас, мы называем это «инсинуацией».

Особой щепетильностью в средствах не отличалась ни одна сторона, «гипнотизеров» хватало у всех. Приводимые Кацем случаи подтасовки свидетельских пока-

¹⁰ Т.е. «пиджак», прозвище немецких евреев в Палестине за их обыкновение носить пиджак (по-немецки «Jacke»).

заний довольно двусмысленны. Старший офицер полиции (вражеский лазутчик?) разоблачает в своей докладной адвоката Симы: «Я сразу заметил, что левая рука у Шнейдермана (в числе прочих пробовавшегося на роль убийцы) не работает и на ней не хватает нескольких пальцев. Тогда я сказал в присутствии адвоката д-ра Йозефа, что Шнейдерман похож на человека, стрелявшего в Арлозорова и что он левша. Во время опознания г-жа Арлозорова попросила его передать ей портфель. Он сделал это правой рукой. Когда она попросила переложить портфель в левую, он отказался, объяснив, что в левой ничего держать не может, и показал, почему. После этого г-жа Арлозорова заявила, что он не убивал. Она заведомо искала левшу».

Спрашивается, кого полицейский, явно сочувствующий «Бейтару» (в смысле тайно), выводит на чистую воду, адвоката или себя? Полицейскому офицеру, состоящему на службе его величества, срывать следственный эксперимент еще менее пристало, чем адвокату, по роду деятельности продажной личности, для кого верх порядочности – это добросовестно защищать интересы клиента, здесь – нанявшей его лейбористской партии.

Все были хороши, и нечего с видом святой невинности сокрушаться о том, что Маджида вынудили взять свое признание назад: «Он держался твердо, за восемнадцать дней выдержал двадцать четыре допроса. Но когда прямо в его камеру привезли из Яффы четырех арабских нотаблей, Маджид сознался: Ставский и Розенблат заплатили ему 1500 фунтов».

Они действительно были знакомы. Точнее, могли быть знакомы. У Ахимеира мне попалось описание одного инцидента в Иерусалимском центре с его участием.

«... Вдруг навстречу Мухаммаду-имаму направляется наш Абдуль Маджид, его лицо перекошено от ярости. Имам отшатнулся. Я удивился: имам не слабее Абдуль Маджида. Но силы Абдуль Маджида удвоились из-за обуревающей его страсти к убийству. Имам вбежал в помещение, Абдуль Маджид вслед за ним. Раздаются вопли. Обычные в тюрьме вопли, когда "бьют". Это Абдуль Маджид вынул нож, "из настоящей дамасской стали, которая не впитывает кровь", и бросился на имама. Но Абдуль Маджида тут же окружили надзиратели во главе с сержантом Шаломом Швили, который словно вырастает из-под земли всякий раз, когда между арестантами возникает драка. В руке у Швили полицейская дубинка. Били Абдуль Маджида долго. Швили рассказывал, что "кровь из него текла, как из свиньи". А когда надзиратели сочли, что вытекло ее предостаточно, его отвели в *мустаффу* (санчасть). Потом выяснилось, что это старший брат Абдуль Маджида Абдуль Хамид, который сидит в "зинзане", подговорил младшего брата прирезать Мухаммада-имама. Его расчет прост. Он все время твердит, что не убивал брата имама. Теперь он надеется, что его послушаются и отпустят. Младший же брат, Абдуль Маджид, все равно признался в убийстве, ему терять нечего. Когда мистер Стилл в сопровождении сержанта Шалом Швили навестил в *мустаффе* Абдуль Маджида, всего забинтованного, тот поцеловал сержанту руку и сказал: эта рука спасла его от смерти. Если б не сержант, он бы зарезал имама. И тогда его бы точно повесили, потому что он уже совершеннолетний, а не как в прошлый раз».

Шабтай Тевет, чья книга «Убийство Арлозорова» лишена страстного обличительства Шмуэля Каца, излагает события несколько иначе, в «объективной манере», не вызывающей у читателя желания ерепениваться. Для Тевета всё рассказанное Абдуль Маджидом – самооговор с одной-единственной целью: прославиться. Заодно и рассчитаться за какие-нибудь обиды с Исой Дервишем, которому в таком случае красная одежда смертника обеспечена. Самому Маджиду, «на момент свершения преступления еще не достигшему совершеннолетия», это не грозило. Да и стрелял не он. Он был «номером первым» – комариком с фонариком. У него

в планах было совсем другое: «И теперь, душа-девица, на тебе хочу жениться». Но только в планах. Можно сказать, в мечтах, за мечты не судят. Так что скорей всего он будет свидетелем. Но это по закону, а в глазах арестантов он полноправный участник убийства. И не убийства какого-нибудь там феллаха с Козьих гор — главного еврея в Палестине! Для всех он настоящий «джеда». Отныне он знаменитость.

Обид же, ставших причиной мести, могло быть великое множество. Элементарно приревновал — как мы помним, они все гомосексуалисты. Как мы помним, это в порядке вещей у арабов-арестантов. Да и безо всякого ареста тоже. А в тюрьме и вовсе убеждаются, что «женщина не есть предмет первой необходимости» (Ахимеир). Их ревность — страшна. Как и любовь: у-у... из темноты. Страсти-то какие волосатые. Сценка в яффской гостинице: содомит, выступающий в женской роли, говорит коридорному, прибежавшему на вопли: «Мне штопор, а Сулейману-эфенди врача», — и тут же валяется бритва.

Почему, к слову сказать, Иса Дервиш должен был хвататься за пистолет, шумное ненадежное оружие: то затвор заклинит, то собачку заест, то достанешь для форсу, а он сам вдруг выстрелит, не у всех же новенький браунинг в сумочке. Зачем ему было стрелять? Это бы только помешало им осуществить свое экстравагантное намерение (жениться на душе-девице), экстравагантное в свете их привычек и пристрастий. Почему Иса Дервиш не схватился за нож? Не оттого же, что Ахимеир назвал нож «оружием древнего народа с невысоким полетом фантазии», а тот, обидевшись за свой народ, решил доказать, что это не так. «Национальное оружие русских убийц, — говорил Ахимеир, ставя их в пример, — топор. Это оружие сынов молодого народа, обладающего широким кругозором и могучим размахом, э-эх, раззудись плечо, размахнись рука!.. народа, чье мировоззрение претендует на всеохватность, народа, чей главный герой — царь Петр — был по совместительству плотником. В стране Израиля, раскинувшейся по обе стороны Иордана, тоже используют в хозяйстве топоры, но убийцы здесь отдают предпочтение ножу, оружию древнего народа с невысоким полетом фантазии».

Это правда, еще в начале семидесятых сефардские подростки с неблагополучной рехов Штерн с чувством гордости за свое племя говорили: «Марокаи-сакинай»,¹¹ — и испытующе смотрели на меня: ну что, швили, припарковал уже свою «вольву» к вилле угол Дизенгова-Арлозорова?

Для Шабтая Тевета вопрос, «почему Иса Дервиш должен был хвататься за пистолет?» не стоит. Иса за него и не хватался (это Геббельс хватается за пистолет при слове «культура»). Никакого Исы Дервиша на пляже не было. Трудно представить себе и Абдуль Маджида, «в халстухе, повязанном морским узлом, как у шерифа в «Seven Horsemen of the Apocalypse».¹² Уроженец кибуца «Дгания», Шабтай Тевет не понимает: «бабочку» или бант имела в виду Сима — когда по горячим следам давала первые свои показания в главном полицейском управлении Тель-Авива, города, который еще отсутствовал на большинстве географических карт. «Сегодня так завязывают только шнурки», — пишет Тевет.

Одно объединяет Шабтая Тевета и Шмуэля Каца, столь не похожих между собой: профессионализм, не позволяющий снисходить до смелых гипотез, которыми торгуют с лотка на рынке Кармель. Для этого есть Интернет. Вот, ахнул, прочитав. Совершенно невероятная версия «убийства на пляже», то есть очень даже вероятная — невероятно, что ты еще в состоянии «прочитать и ахнуть» — после всего, что уже говорилось.

А чего только не говорилось! «М. Каганская, по ее словам, собиралась написать пьесу — в соавторстве с Зеевом Бар-Селлой, — в которой убийцей Арлозорова

¹¹ Марокканец-поножовщик.

¹² «Семь всадников Апокалипсиса».

предстает его жена Сима». Извиняюсь, что снова цитирую свои «Обмененные головы». Просто забавно: тому уж двадцать лет, как это писалось, а ведь я уже тогда располагал ключиком, и был этот ключик всегда «на связке», с самого детства, да только мне в голову не приходило, от чего он, от какого замка. Можно всю свою жизнь видеть изображение очага на стене, не подозревая, что кто-то другой всю *свою* жизнь пытается этот очаг разыскать. Начиная с пятого класса, максимум с шестого – да нет, с пятого – в моем распоряжении был уникальнейший в своем роде документ, рисующий (в буквальном смысле этого слова – «рисующий») картину гибели Арлозорова. Свидетельство из первых рук! Мы уже давно догадались, что Сима была не единственной свидетельницей, не правда ли?

Значит, Интернет как источник знаний: (<http://rjews.net/maof/article.php?id=6651&type=s&sid018>). Изложив фактическую сторону дела, автор, проживающий в Хайфе, продолжает:

«Ну что это за убийца, если стреляет в живот, – ведь такие раны в наше время не смертельны, Арлозорова могли спасти, да и раненый не сразу вырубается. Или он целился в грудь, а попал в живот – это с двух-то шагов! А когда Арлозоров упал на четвереньки и буквально подставил голову под следующий выстрел, убийцы бросились бежать... Почему только один выстрел? Чего они испугались, что сразу же удрали? Да таких "шлимазлов" полиция должна была поймать и расколоть в два счета!

И вообще с этим выстрелом что-то странное. Сима твердо показала, что слышала двойной лязг передернутого затвора браунинга. Она могла ошибиться в системе, есть и другие пистолеты такого же действия. Из тела Арлозорова была извлечена пуля от русского нагана. (Дальше цитата из Бабеля.) "Он оттягивает дуло револьвера, выбрасывает гильзу".

...Бабель служил в ЧК, Бабель служил в Первой Конной – и никогда не стрелял из пистолета или револьвера, не разбирался в этой технике. Что же тогда говорить о подавляющем большинстве читателей? Придется устроить маленький военно-технический ликбез.

В современном пистолете патроны помещаются в обойму, которая находится в рукоятке. Чтобы выстрелить, необходимо посредством затвора дослат патрон в ствол. От выстрела затвор отбрасывается назад, «выплевывая» стреляную гильзу, затем пружиной возвращается на прежнее место, досылая следующий патрон. Пистолет снова готов к выстрелу. Но для первого выстрела патрон досылают вручную, передернув затвор с характерным двойным металлическим лязгом. В дальнейшем лязг не слышен из-за грохота.

Таков браунинг образца 1891 года, таковы подавляющее большинство современных пистолетов. (Полцарства за редактора!)

В револьвере со времен кольта образца 1836 года патроны находятся во вращающемся барабане впереди рукоятки, каждый в своем гнезде. Для выстрела взводится курок, который одновременно поворачивает барабан и ставит следующее гнездо против ствола. Это слышится как легкий щелчок. (Венец мой за редактора!)

Есть револьверы-самовзводы (double action). В них нажатием спускового крючка взводится курок с поворотом барабана. Это требует от указательного пальца значительного усилия и, как следствие, *отклоняет ствол вправо в момент выстрела*. Русские наганы были только самовзводы, большие, с совершенно уникальным патроном – пуля крепилась внутри гильзы, а не снаружи. Ошибка исключена – в Арлозорова стреляли из нагана.

Согласно протоколу вскрытия пуля вошла справа, на линии соска, значительно ниже ребер, пересекла брюшную полость наискось и, перебив одну из артерий и вызвав внутреннее кровоизлияние, застряла в мышцах спины с левой стороны.

Вывод: в Арлозорова стреляли спереди справа. Даже левша на месте №2 не смог бы этого сделать. Стрелял №1. Целился в живот? Или пальнул навскидку, от бедра, с самовзвода? Тогда реально – но только в одном случае: если он стрелял в Симу, а ствол ушел вправо, и он попал в Арлозорова. Зачем же было в нее стрелять? Чего он вдруг испугался?

...Из описания Симой ляганья пистолетного затвора следует интересный вывод: Сима Арлозоров ("Клара Цеткин"), хоть и не разбиралась в револьверах, зато в пистолетах разбиралась получше Бабеля. Откуда? Элизер Каплан, член руководства партии "Мапай" и Сохнута (короче, рехов Каплан), сам слышал от Симы Арлозоров, что в ночь убийства у нее был с собой ее собственный пистолет, которым она не сумела воспользоваться. Пианистка Надя Рейнхарт, подруга матери Арлозорова, слышала то же самое и от Симы, и от матери. На суде Сима это полностью отрицала.

Итак:

1. Два человека подошли на пустынном берегу к чете Арлозоровых. Были ли они просто прохожими, грабителями или насильниками (последнее навряд ли – слишком близко от многих возможных свидетелей), евреями или арабами – неважно. Важно, что они не планировали убийства.

2. По неизвестным нам причинам – ибо мы не знаем их диалога – Сима вытащила из сумочки свой пистолет, по-видимому, небольшой "дамский" браунинг.

3. Прохожие (грабители) испугались, и №1 пальнул от бедра из своего нагана. Попал в Арлозорова, после чего оба бросились наутек».

Хороша история. Сам ты этой догадкой щегольнуть не можешь, ну так и облизывайся на нее. Главное не подпасть под гипноз неведомой премудрости, что в моем случае проще простого. Из всех видов стрелкового оружия мне понятен лук – как он стреляет да как можно напоить ядом послушливые стрелы. И заметьте, это говорит в общей сложности прослуживший в армии 2 ½ года, из коих полтора – в танковом полку. По возможности я избегал вставлять «махсанит» (рожок) в свой «М-16» – от греха подальше. Единственный раз, что я бросал гранату, моим кулаком владела рука лейтенанта – мы бросали ее, мягко говоря, вдвоем, после чего другой рукой он пригнул мою голову к земле: из ямы, куда эта мерзость улетела, раздалось «бу-бух!».

Это к тому, что «чекист» и «красный конник» Бабель, в конце концов, мог тоже иметь исключительно «киношное» представление о том, как стреляют, втайне питая к огнестрельному оружию естественную брезгливость.

Я недоверчив к мнению экспертов – в обстоятельствах, когда сам могу лишь хлопать глазами. Достаточно приходилось мне слышать их, высказывающихся на темы, по которым я полагаю себя вправе иметь личное суждение. Боже, Боже... А люди сидят, слушают. И дабы не быть одним из них, я решил «верить компетентность компетентностью». Имярек, человек весьма незаурядный, простер свою любезность по отношению ко мне настолько, что дал собственное «экспертное заключение» на чужое «экспертное заключение». Боюсь, кому-то оно покажется до обидного категорическим, зато не скучно будет читать. Я привожу его целиком, за исключением одного пассажа, который попросту прикарманил: раскавычил и упрятал поглубже в текст.

«Вывод сам по себе, может, и верен (т. к. возможных выводов – кот заплакал: два человека идут бок о бок, в одного из них сделан неприцельный выстрел явно неумелой рукой... Долго ли предположить, что стреляли не туда и не в того, в кого реально попали!). Но в доказательной своей части статья – претенциозная чушь. Автор "вразброс" читал какие-то публикации в рубрике "Стрелковое оружие", которые на рубеже советско-постсоветской эпохи появлялись в журнале "Техника – молодежи».

Конкретно, его доводы – мои комментарии.

Ну что это за убийца, если стреляет в живот, – ведь такие раны в наше время не смертельны, Арлозорова могли спасти, да и раненый не сразу вырубается. Или он целился в грудь, а попал в живот – это с двух-то шагов!

Время было не "наше". Даже в период 1941–1945 гг. от ран в живот умирали чаще, чем от ран в грудь: антибиотиков нет, в два счета возникает перитонит – и готово. Пуля в живот – классический "мстительный" выстрел: "чтоб он, гад, подольше мучился и все осознал". Я уж не говорю о том, что из плохого, "разболтанного" ствола неумелый стрелок будет и на 2-х шагах стрелять не в грудь или живот, а "в корпус" – и куда попадет, туда попадет. Не говорю и о том, что при такой стрельбе уведет ли ствол в сторону – вопрос отдельный, а вот вверх его уводит. Так что если стреляли, извините, в гениталии – самое то!

А когда Арлозоров упал на четвереньки и буквально подставил голову под следующий выстрел, убийцы бросились бежать...

А кто сказал, что их раздолбанное оружие не заклинило после первого же выстрела, что патрон в нем не перекосило, что вообще там был второй патрон? Кто сказал, что хотели непременно убить, даже если стреляли осознанно? Может, важнее было "дать понять, кто тут хозяин"; если оклемается – пусть живет, его удача, но помнит он об этом будет и выводы для себя сделает.

Бабель служил в ЧК, Бабель служил в Первой Конной – и никогда не стрелял из пистолета или револьвера, не разбирался в этой технике.

Несколько десятилетий подряд револьвер был фактически монополистом в классе "многозарядное короткоствольное ручное оружие". Поэтому когда в конце XIX в. начали распространяться автоматические пистолеты – многие по старой привычке продолжали звать их "револьверами". В т. ч. и люди, заведомо умевшие стрелять. Если говорить о русских писателях времен Бабеля – то и Гайдар (отлично стрелявший из всего, что было в ходу) называл так маузер, и Булгаков (обладатель маленького браунинга, из которого он, возможно, не стрелял, но с которым ездил на ночные врачебные вызовы) – свой браунинг. Эта традиция (не абсолютная, но распространенная) нарушилась уже на подходе к II Мировой войне.

Между прочим, были (и есть) пистолеты, в которых для выброса заклинившей гильзы надо оттягивать именно ствол, намертво сцепленный с затвором. Таков, например, вальтер. Думаю, его и имел в виду Бабель. Кстати, вальтер – пистолет из числа самовзводных, так что стрелять можно и без подготовительных движений. Затвор же передергивают при заклинивании гильзы или если первый патрон, для безопасности носки, не был подан в ствол (вариант: пистолет разряжен, и его перед выстрелом заряжают одиночным патроном). Мне кажется, последний вариант – как раз для тех шлимазлов, у которых в кармане скорее всего был не великолепно отлаженный инструмент – вальтер или браунинг, – а старое разболтанное черт-знает-что после тридцатого ремонта.

Русские наганы были только самовзводы, большие, с совершенно уникальным патроном – пуля крепилась внутри гильзы, а не снаружи. Ошибка исключена – в Арлозорова стреляли из нагана.

С ума сойти. Пуля именно что *как правило* запрессовывается внутри гильзы. Действительно, патрон нагана малообычен, хотя и не уникален (это только в рубрике "Стрелковое оружие" других аналогов не приведено). Дело не в том, что пуля крепится внутри гильзы, а в том, что она там крепится *вся целиком*, так что снаружи патрон напоминает правильной формы маленький цилиндр, словно бы без пули. От этого при выстреле стенки гильзы оставляют на пуле довольно характерную метку, ее легко опознать. Но речь-то о *патроне* (и даже всего лишь о пуле: гильзу, как я понимаю, не нашли). А им стрелять можно не только из нагана. Кто спорит, для любого револьвера или пистолета "родной" патрон лучше, но в ту пору и в тех краях было не до жиру: уж какие достанешь, особенно если доставать приходится нелегально. Безусловно, меткость снижается, коль скоро диаметр пули на доли миллиметра не совпадает со стволом. Меньше – пуля "гуляет" из стороны в сторону, больше – "гуляет" ствол: мягкая пуля, деформируясь, с натугой пропихивается сквозь нарезки. Для таких дел ствол порой даже рассверливали, но тут уж пробивная сила падает ниже плинтуса. Хотя в описываемом случае она как раз крайне низка: нормальный

наган пробьет человека насквозь и с куда большей дистанции, даже при попадании в кость – чего, как я понимаю, не было. Тот тип браунинга, который называли "дамским" (6,35 мм), навывлет простреливал 5-сантиметровый сосновый брус с 25 м. Пуля же, не пробившая насквозь брюшную полость и мышцы спины, должна была вылететь из совсем скверного оружия.

Из описания Симой лязгания пистолетного затвора следует интересный вывод: Сима Арлозоров хоть и не разбиралась в револьверах, зато в пистолетах разобралась получше Бабеля.

А может, вообще не разбиралась. Были ведь в то время и "разломные" револьверы, у которых при перезарядке барабана ствол со щелчком отводится вниз. Были и такие, у которых барабан со столь же явственным щелчком отводится в сторону, а со вторым щелчком становится на место. Дамочка могла все напутать, ей задали наводящий вопрос, мол, вот так он щелкал, да? – Ну, вроде бы так... К тому же что за странное нарушение логики: раз уж автор решил не верить показаниям Симы – отчего он делает столь глубокие выводы из этой их части?»

Кто из двух экспертов круче, поди разбери. На всякого знатока всегда есть более знающий, как на каждый острый язычок есть еще более острый ножичек. Лично я оценил сам по себе «детективный ход»: стреляли не в него, а в нее. Это достойно Агаты Кристи, да что там – Честертона. Восхищенный, через моря и континенты я протягиваю руку человеку из Хайфы – если только он ее пожмет.

Однако Сима была в ту ночь без сумочки. Как это случилось? Вышли пройтись после ужина, кто их там в темноте увидит. Это как гулять у себя на участке, она ведь и мужу не стала пришивать пуговицу – завтра.

Политики вынуждены считаться с тем, что их знают в лицо. Раз мне привелось на той же самой набережной увидеть за столиком в кафе Меира Вильнера,¹³ который, перехватив мой взгляд и, вероятно, прочитав в нем желание плюнуть ему в тарелку – чего я не стану оспаривать, – торопливо поменялся со своей спутницей местами: я помешал-таки этому запродавшемуся Кремлю господину любоваться Средиземным морем – пусть едет в Сочи, в Бочаров Ручей, там любитесь. (А буквально на днях жена, засмотревшись на витрину, чуть не сбила с ног Герхарда Шрёдера – впрочем, такого собьешь.)

О том, что Сима Арлозорова была без сумочки, говорилось на процессе (об этом упоминается и в отчете комиссии Бехора.¹⁴ Кете Дан, владелица «отеля имени mine», по ее словам, дала Симе свой носовой платок, когда та прибежала: она собиралась звонить в «Маген Давид Адом»,¹⁵ в полицию, к товарищам по партии – что-то делать, делать, делать...

Жаботинский в ужасе: да как она могла! Как это, не послать вместо себя какого-нибудь бахурчика,¹⁶ а самой остаться с мужем? Эх, Жаботинский, Жаботинский, разве доверяют «бахурчику» звонить в больницу, в полицию и к Меиру Дизенгофу? (Рехов Дизенгоф, у меня как раз там вилла, аккурат на углу Арлозорова, и к ней припаркована сероглазая «вольва».)

Нет, Сима была бы недостойна своего мужа, веди она себя иначе. Вспомним Лею Рабин после убийства Рабина – события, только укрепившего левых в сознании своей правоты: Арлозоров пал жертвой еврейского экстремизма, еврей способен пролить кровь еврея, что бы там мы ни говорили в еврейском своем самоуверии. Не остановился же Игаль Амир перед царевубийством – а случившееся на площади Царей Израилевых в подсознании истолковывалось именно так. Любой израильский премьер – Царь Израилев, и для друзей, и для недругов. «Бегин

¹³ Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Израиля, ее просоветского крыла (1965 – 1990 гг.). В 1967 г. на его жизнь было совершено покушение.

¹⁴ В премьерство Бегина (1977 – 1983 гг.) судье Бехору поручили возглавить комиссию по расследованию обстоятельств гибели Хаима Арлозорова. Единственным итогом работы комиссии была полная реабилитация Ставского.

¹⁵ «Красный магендавид», скорая помощь (иврит.).

¹⁶ Паренек (разг. иврит).

мелех Исраэль! – кричала толпа. – Арик мелех Исраэль!»¹⁷ Рабин избежал предвыборной «коронации» лишь в силу европейской сдержанности своего электората. Однако вердикт суда этой сдержанности был лишен, он дышит нравами Ветхого Завета: мало того, что Амир окончит свое дни в тюремной клетке, ему запрещено «восставить свое семья в потомстве», оно – проклято.¹⁸

Ставский встретил приговор с поднятой головой, как, впрочем, и Амир (да сгинет во веки веков душа его!). «Осужден не я, осуждена честь Англии, – сказал он. – Меня вы осудить бессильны, потому что я – невиновен».

Добрый великан, по словам Ахимеира, Ставский остаток своей жизни пребывал в убеждении, что Сима и застрелила Арлозорова. Он стоял на этом, как если б там был и все видел, – вместо того чтобы настаивать на своем алиби, дескать, знать ничего не знаю, ночевал в Иерусалиме. Защита не сочла возможным точку зрения Ставского, ничем не аргументированную, предъявить суду.

Исчерпав запас стойкости, Сима оказалась не в силах куда-либо звонить и с кем-либо говорить. Кете Дан, хозяйка пансиончика, носившего ее имя, протянула Симе носовой платок и стала повсюду звонить сама. Так она рассказывала. Многим свойственно преувеличивать задним числом свое участие в исторических событиях. Оно и понятно. Ну кто бы сегодня вспомнил какую-то Кете Дан, жившую восемьдесят лет назад в только-только еще придуманном Тель-Авиве.

Неважно... Важно, что отсутствующий носовой платок указывал на отсутствие сумочки, а, следовательно, и «дамского» браунинга, который пробивает насквозь пятисантиметровый сосновый брус с расстояния в двадцать пять метров.

Прежде чем окончательно похерить остроумное предположение, что «стреляли в Симу, а попали в Хаима» (интонация полузабытого анекдота), я постараюсь поставить себя на место стрелявшего – а может, стрелявшей? Обезумевшей от ревности какой-нибудь бывшей пассии Арлозорова, какой-нибудь там «бляди Фейгиной» (так можно обогащать сюжет до бесконечности, раз уж не получается вооружить Симу).

Но, допустим, у Симы была сумочка, когда они выходили из пансионата, и в ней пистолет, но тогда уж вряд ли самопал – «хорошенький пистолетик, который не стыдно держать в сумочке». В начале семидесятых среди эмигрантов моего поколения было принято обзаводиться пистолетами. К нашему изумлению, оружие продавалось «открытым текстом», совсем как до революции. Свобода, блин. На рехов Арлозоров можешь купить себе пистолет, а в воинской части – бутылку бренди. Новоиспеченные владельцы пистолетов были те, кто вместо воды наливал себе полную флягу бренди. Я спросил у одного москвича лет сорока, игравшего на рояле – а помимо того еще в казаки-разбойники, – зачем ему пистолет. В ответ я услышал: «У каждого русского интеллигента в ящике письменного стола должен лежать пистолет».

А что как у Симы Арлозоровой мозги были устроены сходным образом? Взять героинь немых фильмов – белоруких, порывистых, с насурмленными глазами: «В сумочке у каждой порядочной женщины должен лежать пистолет». В Симином случае это кончилось бы плачевно. Ставим себя на место двух гавриков. «Полундра! У бабы пушка!»

Рабинович стрельнул,
Стрельнул, промахнулся.

¹⁷ «Бегин царь Израйля!», «Арик (Ариэль Шарон) царь Израйля!»

¹⁸ После многолетнего судебного разбирательства Багац (Высший Суд Справедливости) позволил убийце Ицхака Рабина использовать свое семья по назначению: одна репатриантка из России, ставшая ему заочно женой, родила от него ребенка. Это произошло осенью 2007, в двенадцатую годовщину убийства.

И тут действительно задаешься вопросом: почему за первым выстрелом сразу не последовал второй? Пускай такой же меткий – конечно, при условии, что их наган был в состоянии его произвести. Под направленным на тебя дулом успеть пальнуть, не в того попасть и этим ограничиться? Пуститься бежать, чтоб пристрелили? Да палец сам будет нажимать и нажимать гашетку. Заело? Тогда подавно бы раздался второй выстрел – в тебя! Разрядила бы тебе вдогонку всю обойму и лишь – потом бы кинулась к раненому.

Это пулянье, с какой стороны ни посмотри, одним выстрелом бы не ограничилось. В Горьковском театре в Магдебурге как-то ставили «Евгения Онегина» (у меня там была халтура). Режиссер, задумав актуализировать Чайковского, перенес действие в современную Россию. В сцене дуэли два выстрела, второй – контрольный.

Нет, боюсь, никто в Симу не стрелял. То есть я потом расскажу, как было в реальности, это мне известно доподлинно, но всему свое время. Пока что я еще как бы ничего не знаю. Скажу только, противореча себе же: распутать до конца эту историю с убийством на пляже невозможно. Это палестинский «Расёмон». Я имею в виду фильм Курасава – о том, что есть свидетельство, вернее о том, что нет свидетельства, оно – невозможно, никто не может быть свидетелем, только – участником. Жена убитого самурая выгораживает себя, но мы не знаем, в чем ее вина, – мы знаем лишь, в чем ее позор. Овладевший ею и убивший ее мужа разбойник тоже что-то пытается утаить – что помешало бы ему выглядеть героем, «джедой». Наконец, убитый, чьим басом вещают уста прорицательницы, даже он лжет. Об этом мы узнаём из рассказа дровосека, который находит его тело в чаще, – две странички текста Акутагавы, лежащие в основе сценария, так и называются: «В чаще». Но когда один из слушателей уличает во лжи самого рассказчика, тут мы понимаем: реальность невозможна. Каждому есть что скрывать – если бы только знать, что. Что скрывает Сима, вдова самурая? Что скрывает разбойник, помимо того, что скрывается сам? О чем бы умолчал Арлозоров, явись его дух следователям, подобно тени Самуила? Странная рассеянность, которая вдруг овладевает им на обратном пути из Европы в Палестину – что за этим стоит?

Перипетии его путешествия удивительны. По явно надуманной причине опаздывает на пресс-конференцию – якобы, выйдя из гостиницы, заблудился, соответственно не успеваешь на поезд. Это было во Львове (т. е. в Лемберге, запомнили, да?). Из Кракова до Вены, где его должны встречать, добирался третьим классом, из-за чего так и не был встречен. Там же неожиданные проволочки с итальянской визой, хотя все было заблаговременно согласовано, и римское представительство Сохнута получило письменное подтверждение. Письмо, отправленное в Вену курьерской почтой, однако загадочным образом затерялось. В последний момент он отказывается от идеи лететь в Рим самолетом – все из-за той же визы, и великий шофер ехать на вокзал, но отправляется не сразу, а позднее, как если бы опоздал к поезду (повторяется львовская история). Железнодорожных приключений на один сантиметр рельсов столько, что трудно поверить в их случайность. В Италии проезжает свою станцию, разбивает окно вагона – так поступает герой фильма Хичкока, предпочитая быть задержанным полицией, чем убитым германскими агентами, которые гонятся за ним по пятам. Уезжая из отеля, он забывает там паспорт – не в попытке ли сбить кого-то с толку? В Вене не доставленное в посольство письмо, здесь – не доставленная в гостиницу телеграмма с просьбой срочно прислать паспорт. От Рима до Неаполя поездом два с половиной часа – тот, кто видел его на вокзале с уже заполненным телеграфным бланком, пусть думает: на пароход он успеваешь. Он вдобавок еще и протелефонировал в гостиницу, но не раньше, чем стало ясно: телеграмма не получена, на пароход ему не

успеть. Но каково же его изумление – для полноты картины примчавшегося в порт с высунутым языком: пароход стоит, отплытие задержалось ровно настолько, насколько он опоздал. Счастливое совпадение? А он-то уже телеграфировал в Иерусалим, чтобы в четверг его не ждали, и Симе – чтоб не ехала в Александрию его встречать: тринадцатое число, дурная примета. Небось ахнула... Из Каира отправил ей другую телеграмму: чудом успел повсюду, она может сесть к нему в поезд в Реховоте, номер вагона такой-то. И пусть позвонит в его иерусалимское бюро.

Немецкая часть европейского турне Арлозорова была окутана завесой тайны, как если б за этим и впрямь скрывалась любовная история, – а сколько любовных историй завершается вот так, выстрелом, включая и выстрел в гениталии, если речь идет о мужском соперничестве. А куда, вы думаете, метил Дантес, в колено? Подвел незнакомый гладкоствольный пистолет, как объяснил бы мой референт.

Согласно официальной историографии, «в 1933 А. активно участвовал в оргции массовой алии евреев из нацист. Германии» («Краткая Еврейская Энциклопедия»), «был в числе немногих, кто понимал всю угрозу, которая нависла...» и т. д., неохота пользоваться штампами, девальвирующими всякий смысл, тем более и миссия его была, в сущности, двусмысленная. Писала же – утром 16 июня! – ахмеевская «Хазит ха-ам» («Народный фронт») о «пакте Сталина – Гитлера – Бен-Гуриона», – что при посредничестве своего дружка Сталина левые сторговались с нацистами: вы не хотите иметь у себя евреев, и мы не хотим, чтоб вы их у себя имели. Поддержите нас в стремлении создать свое государство, а мы на предстоящем Сионистском конгрессе, где располагаем большинством голосов, выступим против экономического бойкота Германии, к чему призывают влиятельные еврейские круги во всем мире.

Девиз «чем хуже, тем лучше» никогда не был чужд левым прагматикам – может, и правым, они ведь два сапога пара, но за левых ручаюсь, пример большевиков перед глазами. Бен-Гурион в шутку мечтал о сотне белокурых еврейских «бохеров»,¹⁹ которых откомандировать бы в галут, чтоб навели там шухеру среди местных евреев: глядишь и начнут паковать чемоданы.

Арлозорову не стоило особых трудов убедить «товарищей» не упустить момент и начать секретные переговоры с немецким правительством, поручив эту деликатную миссию ему. Внешняя политика – это по его части, Германия – его конек, немцев он знает как облупленных, намекнул на свои немецкие связи, не уточняя, что под этим подразумевает, а то Сима его уьет.

Ударить по рукам с нацистами не получилось. Для любого альянса нужен партнер, вступить в альянс с самим собою нельзя. Арлозоров поставил на «железную логику» немцев и проиграл. Редкий случай, когда именно проигравшего не судят.

«Народ, который всегда знал истинную цену торговцам его честью, и теперь сумеет ответить на эту мерзость, происходящую среди бела дня на глазах у всего мира» – то же, слово в слово, могла напечатать не «Хазит-ха-ам», а брауншвейгский «Фольксфронт» про свой «фольк» – если бы договариваться о чем-то с евреями уже тогда не считалось для арийцев делом невыносимым. К тому же действуя через свою бывшую возлюбленную, Арлозоров лично оказывается «вне права на упоминание» – с учетом столь ценимой им немецкой логики это означало «вне права на существование».

В сороковом году Яир Штерн (рехов Штерн), возглавлявший антибританское подполье, тоже пытался соблазнить немцев перспективой еврейского восстания в Палестине – в со-ро-ко-вом!

¹⁹ То же, что «бахурчик», – парень.

Арлозоров поплатился жизнью за то, что ничего не понимал, Штерн поплатился тем же – но за прямо противоположное: в разгар Битвы за Англию, когда уже пал Париж и существовало Варшавское гетто, понимание перестало быть привилегией избранных. (Если только за спиной у Штерна не стоял кто-то, «на тот момент» открыто принявший сторону Германии и менее всего желавший, чтоб Англия вышла из войны – тогда, по крайней мере, со Штерном и его группой все ясно.)

«Чем хуже, тем лучше», это начертано на резиновых скрижалях. «Плохо» – понятие растяжимое. Еще хуже... еще хуже... ну, еще немножко... В жизни всегда есть место худшему. Ради неизбежного потом улучшения эту резину можно растягивать до бесконечности... щелк! Все лопнуло. Теперь хуже некуда: нечего улучшать.

У Шмуэля Каца своя логика. Низкая раскрываемость преступлений – причина, а не следствие плохой работы полиции. Что и привело к судебной ошибке в деле Ставского. Так, по крайней мере, получается. Надо спешно поднять раскрываемость, в спешке берут не тот след и уже не могут остановиться. На старте кнут, на финише пряник. И надо всем отчетность. А то, что выражена она в цифрах, а то, что с точки зрения статистики нет разницы между поимкой убийцы и умением свалить убийство на какого-нибудь Ставского, ставшего ненароком на пути у следствия, – об этом кручинились лишь в тех редких случаях, когда вдруг шильце вылезало наружу, к стыду и посрамлению полиции.

Воспользуюсь автоцитатой как трамплином, чтобы продолжить: «У преступления не бывает мотива, в крайнем случае, мотив служит лишь предлогом, но не каждый преступник настолько благовоспитан, чтобы утруждать себя его приисканием. Логичнее предположить, что зло обусловлено самой природою своею, оно беспричинно и творит само себя. Иначе позволительно спросить: чем мотивирована добродетель?» Снова мы оседлали эту мысль, якобы Стендаля. Мои мысли – мои скакуны.

С древнейших времен дознание строится на принципе *cui prodest?* А значит, практически невозможно вычислить, кто стрелял в Арлозорова, это может случайно открыться в результате невероятного стечения обстоятельств (причем прошляпить счастливую случайность проще пареной репы: не счесть выловленных бутылок, вместе с бесценными посланиями прямехонько угоджающих в пункты приема стеклотары). У всех, на кого ни посмотришь, был мотив убить Арлозорова. У арабов он был – коли безнаказанно, это завсегда. Это как для меня плюнуть в тарелку Меиру Вильнеру. Но и у коммунистов, заподозренных в первую минуту всеми, и лейбористами, и ревизионистами, и полицией, мотив тоже был. Это только для Ахимеира и его бражка Сталин – «дружок» социалиста Бен-Гуриона, посредничающий между ним и Гитлером. С равным основанием можно называть Чернышевского «дядькой большевизма». Некий монархический печатный орган так и сделал в своей рецензии на книгу Годунова-Чердынцева о Чернышевском – помните? Я намеренно подрулил к набоковскому «Дару», писавшемуся в тот год, когда происходило турне Арлозорова по Германии: в романе упомянута некая вилла, где бывали и Годунов-Чердынцев, и его прототип, и другие «заслуженные деятели искусств российской эмиграции» – нет смысла перечислять их по именам: получится весь русский Берлин *in corpore*.

Я имею в виду дом доктора Эйтингона, вскоре оказавшегося в Палестине. Его фотография, наряду с еще тремя или четырьмя портретами, украшала «предбанник» главного корпуса лечебницы для душевнобольных в Тальбии.²⁰ С этим проклятым Богом местом меня связывает... хочется забыть, что именно, – может быть, самая печальная страница моей иерусалимской жизни. Лишь много лет спустя я соединил имя сего маститого психоаналитика с именем известного чекистского киллера.

²⁰ Один из центральных районов Иерусалима.

А между тем двоюродные братья были близки. Павел Судоплатов вскользь упоминает, что в конце двадцатых Наум Эйтингон находился под началом известного нелегала Серебрянского, который позднее отличился в деле с похищением генерала Кутепова, а до того, как пишет Судоплатов, «работал в подмандатной Палестине» – в этом «работал» мне слышится скромно-горделивое:

Работа у нас такая,
Забота наша простая,
Была бы страна родная,
И нету других забот.

Проживший мафусаилов век Судоплатов, креатура Бери, двадцать лет провел в заключении. Однако перед смертью высунулся из своей щели. Он пишет книги, появляется в кадре бульварно-документальных сериалов, от которых несет Лубянской, как из отхожего места. Внешность его запоминается (что с убийцами случается редко). Если говорить честно, то она завораживает. Под арочными сводами бровей горят голубым пламенем гарны очи, речь стелется, что твой туман над рекой. Подобно великому артисту, что на склоне лет вспоминает свой триумфальный дебют в «Ла Скала», этот перенесший инсульт розовощекий полуслепец рассказывает, как при помощи бонбоньерки взорвал в кафе доверившегося ему самостийника Ковальца (смею думать, Ковалец был не единственным посетителем этого кафе).

От Эйтингона Судоплатов в совершенном восхищении. Ни тени ревности к его звездному успеху – там, где сам Судоплатов потерпел неудачу: не он снискал себе лавры убийцы Троцкого. Он бескорыстен в своем служении музам Лубянки, он беззаветно предан своему делу, своему искусству, своему ордену, неважно, кто там нынче разбегается по паркету Георгиевского зала. Неужто ему и впрямь неведомо чувство соперничества, неужто его ни разу не посещала «мысль ревнивая», что «ты, Нёма (или Леня – как уж он называл Эйтингона), когда я вышел, ты уже десять лет как был на воле, даром что созная: мол, через своего братца Макса, оказывается, руководил подпольным фрейдистско-сионистским центром в психиатрической лечебнице в Тальбии. Конечно, ты – звезда, на тебе труп Троцкого, вон Испания за тебя горой: Долорес Ибарурри хлопотала о твоём освобождении. А я... чтоб спастись, я должен был сумасшедшего изображать».

Нет, Судоплатов ничем не выдал себя. «Разведчик божьей милостью», говорят про таких. («Смотри, Вовочка, хорошо учишь, станешь как Павел Анатольевич, поедешь за границу».) А все же и он человек, хоть и волкодавистый, как сказал – не про него, про другого – наш минеральный секретарь, все же и ему, генералу Судоплатову, возглавлявшему Четвертый отдел бериевского МГБ, что-то человеческое не чуждо. Ну какие обольщения у него были в жизни? В отличие от блюмкиных, эйтингонов, серебрянских и прочих местечковых волчат, он не приобщился к эсеровской «романтике террора». Если подумать, чем ему платили за то, что работа у него «такая»? Только не говорите, что отсутствием «других забот». Нам бы его заботы, и поверьте: остаток дней каждый из нас провел бы под присмотром доктора Эйтингона, без того чтобы симулировать в этом нужду. Слава? Лозунг «Слава чекистам!» звучит как «Сахар диабетикам!». В их кругу слава к оплате не принимается. Деньги? Их даже куры не клюют, предпочитают пшено, а вы хотите, чтоб люди – матерые, понимаешь, человечиса! – на них клюнули. Как минимум уберите Ленина с денег, чтобы они хоть чего-то стоили. Власть? Сколько б ее у судоплатовых ни было, ровно настолько ее всегда будет больше у тех, кто над ними, – первый закон «властной вертикали».

Остается тайное знание, ради обладания которым писались закладные кровью, и даже не всегда чужою. Но тайное знание рождает чувство превосходства, которое под спудом не удержать, в его природе себя демонстрировать, другими словами, тянуть на свет божий то, что никак для этого не предназначено. Это и имел в виду Сказавший: нет ничего тайного, что не стало бы явным. Особенно когда на тебя направлена камера. Пока Судоплатов кропал свои истории, он сообщал в них ровно столько, сколько считал допустимым сообщить. Про Палестину – ой, туманы мои растуманы.

«Еще с 1925 г. по директиве Дзержинского мы активно проникали в сионистские круги Палестины, создавая тем самым плацдарм для борьбы с англичанами. Особо разветвленную сеть в сионистском движении удалось создать в начале тридцатых годов Серебрянскому».

Открыл Америку. Да ишув²¹ кишмя кишел как профессиональными кадрами, так и мессианствующими дилетантами, теми, кому журавль в советском небе был милей сионистской синицы в руке. Ахимеир описывает одного такого:

«Коммунист Колтун закончил сегодня утром отсиживать свой шестимесячный срок и освободился. Я слышал, что его лишили палестинского подданства и собираются изгнать из страны. Коммунисты в восторге, что их выдворяют из страны. Во всем мире коммунизм – это своеобразная разновидность русского патриотизма. Изгнанные из страны коммунисты обычно отправляются в Россию. Глупцы: они еще будут плакать горячими слезами, вспоминая Сион.

Колтуну сорок с лишним. Взгляд утомленного еврея-интеллигента, шапка черных волос, которые не берет ни одна расческа, маленькие усики. Каждое утро Колтун с серьезным выражением лица тащит через весь коридор парашу из камеры в туалет. Он похож в эти минуты на человека, занятого чем-то очень важным. Видно: всем сердцем своим и всей душой своей он готов был исполнять эту заповедь отсидки. Не иначе как таскание параша в Центральной иерусалимской тюрьме входит в число занятий, приближающих пролетариат к мировой революции. Скоро Колтун вернется обратно в Россию. Там его, конечно, ожидают молочные реки с кисельными берегами. Пусть похлебают киселю. Желаю ему этого от всего сердца».

Цитируя Ахимеира, мысленно отмечаешь перевод. Но выразить переводчику свою признательность крайне затруднительно: не указан адрес издательства, смущает и название: «Прогресс», ниже жирным шрифтом мелко набрано: printed in Eretz Israel.²² Такого государства на Земле нет. Год выхода 5756. Может, это на Сатурне? Во всяком случае, ни в одной точке земного шара в русские магазины эта книга не поступала. Хотя взялась же она, черт побери, у меня откуда-то, не приснилась же она мне.

Но вернемся к Судоплатову, чья книга («Спецоперации. Кремль и Лубянка», М., 1997) мне точно не приснилась. В ней Судоплатов не выходит за рамки, которые сам себе установил, руководствуясь чем-то своим, – хотелось бы знать, чем. Говорится о попытках связаться – на исходе войны – с агентом, внедренном в группу Штерна еще до разгрома разведсети Серебрянского. Сам Серебрянский угодил в тридцать восьмом в бериевский застенок. Спрашиваешь себя, где тут вранье? Хотел, что ли, упредить мой ход мыслей, отвлечь от подозрений, что агентом спокойно мог быть не кто иной, как Яир Штерн? Чистой воды азевовщина? А почему бы и нет – в прошлом башкирский комсомолец, пламенные стихи, в детстве ходил в хедер.²³

²¹ Еврейский анклав в Палестине.

²² Эрец Исраэль – Земля Израиля.

²³ Начальная еврейская школа для мальчиков в черте оседлости.

Мне бы это в голову не пришло, мне подсказали – тем, что пытались это скрыть. Не учили: пишущий в своих текстах «проницательней» того, кто их читает. Автор поставил себя на место читателя и давай замечать следы: мол, в группе «Штерн» (так у Судоплатова) имелся свой человек. После гибели Штерна – от английской пули в спину, после ареста в Москве Серебрянского они в Четвертом отделе, видите ли, искали способ выйти на некоего агента. Судоплатов брешет не потому, что во главе «Лехи»²⁴ стоял на самом деле Азеф, этим можно гордиться, но тогда сразу становится понятным, по чьему заданию в сороковом году действовал Штерн, предлагая немцам свое сотрудничество против англичан, которым был готов стрелять в спину. Что ж, *similia similibus*.

Бедняга Ахимеир палестинских эсдеков считал рукою Москвы, а еврейский «фронт отказа», готовый до последнего вздоха биться с англичанами, наоборот – заговорённым от чар прелестницы Лубянки. И все на том основании, что правые клянутся Мосадой, Бар-Кохбой, Тель-Хаем, а не Марксом. Несчастный! Если кто и стоял в Палестине поперек дороги Коминтерну, то никак не «крайний реакционер» Жаботинский, а социалисты Бен-Гурион, Вейцман, Арлозоров (как поперек дороги Ленину стоял не монархист Корнилов, а эсер Чернов).

Судоплатов старый конспиратор – в свои-то под сто! – но перед телекамерой *выступил*: пусть не забывают градус его посвящения. Знаете, как отстоял он приговоренного к расстрелу Серебрянского: «Берия был слышан только о похищении Кутепова. Тогда я ему рассказал, как проходила разработка одного объекта в Палестине». Больше ни слова.

А больше и не надо. Кроме Арлозорова некому быть этим объектом. Других громких убийств ишув не знал. Ведавший иностранной политикой доктор экономических наук Арлозоров – помеха Коминтерну. Вынужденно лояльный англичанам, препятствовавшим заселению Сиона евреями, он втайне искал на них управу – у кого угодно: у немцев, у итальянцев, только не у русских. Россию, русских, извративших экономическую теорию Маркса, этот выученик берлинского университета презирал.

ОГПУ с полным основанием могло считать «ликвидацию Арлозорова» мастерски спланированной операцией: это убийство, в особенности если было совершено чужими руками – неважно чьими, правых сионистов, арабов или безродных киллеров – не просто избавило нас от неудобного политика, но и довело до точки кипения еврейскую междоусобицу, к которой мы, коммунисты, как видите, непричастны.

В пользу того, что нападавшие представляли интернационал уголовников, говорят первые показания Симы, с началом «гипнотических сеансов» взятые ею назад: у маленького... ну, того что стрелял, типично восточная жестикуляция, высокий же скорей всего еврей... ну, который был с фонариком, в Halstuch'e, повязанном морским узлом, как у шерифа в «Seven Horsemen of the Apocalypse». (Чего мелочиться, кто их считал? Кстати, этот фильм после войны показывали в СССР: «Семеро каких-то там» – смелых... великолепных... Редко, но среди «кинетрофеев» попадались и немые.) По словам пианистки Нади Рейнхарт, Сима смотрела его в «Эдисоне». Рейнхарт всегда проводила их со свекровью без билета, если в тот вечер играла. Она это хорошо помнит. Еще бы! Когда они вернулась, Симу ждала телеграмма: «Не езжай Александрию тчк тринадцатое число». Вы бы посмотрели на Симу.

²⁴ «Лохамей Херут Исраэль» – «Борцы за свободу Израиля», подпольная террористическая организация. Ей приписывается убийство графа Бернадота, посредника ООН между евреями и арабами. В шестидесятых годах в СССР демонстрировался фильм «Убийство в тихом квартале» (производство ОАР) об убийстве людьми «Лехи» лорда Мойна.

А вот «Расёмон», который семнадцать лет спустя шел в том же «Эдисоне», вдова Арлозорова вряд ли видела. Не потому, что должность тапера уже была упразднена, и не потому, что «Расёмон» – это скучно, это тебе не «Seven Horsemen of the Apocalypse» или, на худой конец, «Семь самураев». И даже не потому, что семнадцать лет уже, как она не снимала траур. Просто в определенном возрасте, что-то накопив, а что-то растеряв, ты перестаешь ходить в кино.

А я был на «Расёмоне» раз двадцать. До сих пор в ушах голоса дублеров. Макогонова, заходящаяся в истерике. То, как разбойник похваляется убийством, которого не совершал. Кто разбойник в нашем случае – Абдуль Маджид? Или тот, кто докладывал Серебрянскому, что задание выполнено, – приписывая себе чужую доблесть или чужую низость? Если судоплатовская контора и записала Арлозорова на свой счет, это еще не означает, что так оно и есть. Говорите, у них был мотив? Но и у других был мотив. И у третьих. Пение хором одного и того же мотива – грегорианский хорал в криминалистике. Из одного пистолета произведен один единственный выстрел сразу несколькими людьми. Это папахивает «Убийством в "Восточном экспрессе"».

Арлозоров мешал не только Москве, и не только бейтаровцы Жаботинского смотрели на него с очищающей душу ненавистью. Как известно, за Альбионом утвердилось два эпитета: «туманный» и «коварный». Над Темзой тоже стелется туман, бывает, тоже не видно ни зги. Душа Штерна покинула тело, привязанное якобы к стулу, через пулевое отверстие в спине. С именем Лоуренса Аравийского связывают – бездоказательно, правда, – несколько смертей. Англия поддерживала контакты с Виши, понимая, сколь «жестоко это по отношению к де Голлю» (Черчилль). А убийство флотоводца Дарлана, слишком строптивого, чтобы иметь его своим союзником, и слишком влиятельного, чтобы им пренебречь, – кем бы ни было это убийство совершено? А бесчисленные покушения на Ганди, который с факирской ловкостью оставался всякий раз цел и невредим, пока однажды – *факир был пьян, и номер удался?* «Агент с правом убийства» впервые было произнесено по-английски (в Англии права соблюдаются, это при мадридском дворе процветает рыцарство плаща и кинжала).

Несмотря на дружеские ланчи с верховным комиссаром Ваучопом, несмотря на положенное выстаивание в компании цилиндров, фесок и фуражек по таким торжественным случаям, как переименование в честь Георга Пятого главной автогужевой магистрали Иерусалима, что высекалось в мраморе на трех языках, английском, арабском и еврейском, или открытие железнодорожного туннеля в Рош-ха-Никра, другими словами, несмотря на всевозможные изъявления начальником внешнеполитического отдела Сохнута своей благонамеренности, *неофициальный* Лондон видел в Арлозорове единомышленника тех, кто спустя полтора десятилетия взорвет этот самый туннель в Рош-ха-Никра, сделав достоянием истории железнодорожное сообщение между Хайфой и Бейрутом. Больше того, хуже того: *неофициальный* Лондон видел в берлинском докторе Арлозорове их сподвижника, своими вояжами по Европе им всячески споспешествовавшего.

В заметке «Арлозоров» пугливая, со страху аж присевшая на корточки («Да» и «нет» не говорить, губки бантиком не строить, а самое главное, «красное» и «черное» не называть»), «Краткая Еврейская Энциклопедия на русском языке» – не смешивать с «Краткой, насколько это возможно, Еврейской Энциклопедией» издательства «Бесейдер» – радостно цитирует письмо Арлозорова Вейцману. «Радостно», по-другому не скажешь: русские, что чредой выходят из Советских недр, как на подбор – все за правых. А надзирает за ними («Арлозоров» на «А», том первый, 1976 год) недреманное око номенклатурщиков из старой социалистической гвардии. Не привыкать: пишешь одно, думаешь другое. И вдруг нечаянная радость: возможность испытать к этому долбаному социалисту искреннюю симпа-

тию. Оказывается, незадолго до смерти душа у него взыграла. Он пишет Вейцману, тоже Хаиму, – от нашего стола вашему столу, – что «цели сионизма не достижимы без перехода к военному правлению, организованному еврейским меньшинством на то время, пока оно не станет большинством или не будет достигнут численный баланс между двумя народами путем постоянной иммиграции и строительства поселений. Необходимо самим управлять государственной машиной, создать свою администрацию и армию, иначе мы будем сметены восставшим против нас большинством. Может быть, своим высказыванием я подрываю основы того, во что мы верили, чем дорожили столько лет. Может быть, высказанное мною находится в опасной близости к тому популистскому направлению в политике, которое мы всегда отвергали, может быть, сама идея захвата власти покажется поначалу несерьезной, химерической...».

Может быть (думает автор статьи в «Краткой Еврейской Энциклопедии»), он прозрел? Глядишь, примкнул бы к Жаботинскому, сошелся бы со Штерном. Но эти последние соображения могли прийти и в английские головы – а я надеюсь, что там это письмо прочли до того, как в 1949 году оно было обнародовано. И не потому, что я враг самому себе (своему народу, своему государству), но, как говорится в Писании, довлеет дневи злоба его. В свете нынешних диверсий и атак было бы весьма прискорбно, если бы английские спецслужбы ничего не стоили.

Они и прочли. С виду умеренный, умеет произносить тосты, а сам готовит вооруженное восстание. И возможности у него совсем иные, чем у этих санкюлотов – поименно перечисляются названия улиц: рехов Штерн, рехов Ахимеир. В сущности, разница между Яиром Штерном и Арлозоровым в том, что последний для англичан во сто крат опасней. Он колесит по Европе, у него есть цилиндр и визитка, его принимают всерьез. Что он делал в Германии – он, который от нее без ума? Шестилетним родители привезли его туда, спасаясь из России. Бегство в Египет! Он рос египетским патриотом, учился в известной берлинской гимназии, издавал школьную газету, в которой обрушивал проклятья на «трехглавую гидру», как тогда в прессе называли Англию, Францию и Россию.

Участь его решена. Только решение принималось не по ходу дела, как было с пособником врага в военное время Яиром Штерном, а в узком кругу седовласых джентльменов в Лондоне и соответственно осуществлялось иным способом, помимо прочего предполагавшим ответственность за это возложить на третьи лица.

В «Расёмоне», не зная кому верить, вдове самурая или его убийце, судья приказывает вызвать дух убитого, который свидетельствует устами прорицательницы, заговорившей вдруг басом. Однако рассказанная самураем история внушает не меньше сомнений, чем две предыдущие.

Так и здесь: мертвый самурай, его вдова, знаменитый разбойник (ОГПУ? Интеллигент Сервис? Гестапо? А что вы думаете, и у тех был мотив, об этом впереди).

Тень Арлозорова своими показаниями окончательно запутала бы следствие. Человек не обо всем может рассказать даже посмертно. «Нет, Сима, нет», – тихо, по-русски – когда она стала кричать: «Евреи убили его!» В больнице, пока находился в сознании, он настаивал на том, что это были арабы. Выгораживал своих? Или хотел сказать: «Нет, Сима, нет, надо все изобразить иначе. Пусть эти двое и были евреями, но мы же знаем, кто стрелял. Лучше скажем, что это арабы».

Так что же Хаим Арлозоров делал в Германии? У Симы на сей счет сомнений не было: ищите женщину – и обрячете истину.

Она была его второй женой (о первой ничего не знаю, брак был непродолжителен, из дневника, который приводится ниже, тоже ничего не следует). На время ремонта квартиры Сима с сыном перебралась к свекрови, а там были «свои понятия» плюс гипертрофированное представление о чести, которой, заслуженно или незаслуженно, это еще посмотрим, ее осчастливил Витя – так звали Арлозоро-

ва в семье, что дало основание «Краткой Еврейской Энциклопедии» наречь его в скобках Виктором, хотя в действительности он был Виталий, отсюда и Хаим, а не Авидгор — имя, традиционное для конвертированных в сионизм Викторов — тогда как «Витя» здесь уменьшительное от «Виталий», о чем русские составители «КЕЭ» могли бы и догадаться.

Насколько свекровь была дамой со «своими понятиями», настолько в невестки ей досталась «девушка с характером». В кинозалах тех времен «девушки с характером» беззвучно произносили: «В сумочке у каждой порядочной женщины должен лежать пистолет». Мы это уже читали — в субтитрах. С этими словами героиня опускает руку в сумочку и стреляет сквозь нее.

Сима Арлозоров в роли подозреваемой. Убежденность Ставского, что стреляла она, не встретила у защиты поддержку: она опознала его, а он опознал ее, так, что ли? Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку? В глазах судей Ставскому это только бы навредило. И без того ему не повезло с фамилией: почти что «Ставиский»²⁵ — перед мысленным оком возникают многотысячные февральские толпы парижан: «Антисемиты всех мастей соединились!» Дело защитника — защита обвиняемого, а не правдоискательство. Последнее — в компетенции писателей, русских писателей. В моей, с вашего позволения.

Забудем на минуту, что Сима в тот вечер была без сумочки. В одном романе на этом же строит свое алиби женщина-убийца. Но провести мисс Марпл ей не удастся: орудие убийства заранее было спрятано в цветочном горшке. На пляже песка еще больше — нет-нет, я не теряю надежды найти Симин пистолет. Я что, хуже мисс Марпл? Но раньше, чем пуститься на поиски, напомним заключение моего эксперта: «дамский» браунинг (6,35 мм) простреливал пятисантиметровый сосновый брус с двадцати пяти метров. Уже одно это снимает с вдовы Арлозорова все подозрения: пуля должна была пройти насквозь, иначе какой же это «хорошенький пистолетик, который не стыдно держать в сумочке». Но я решил так легко не сдаваться и дал волю своему азарту — к слову сказать, азарт и волю сегодня часто путают, принимая первое за второе.

И что же я «надыбал» — вот уж точно не в журнале «Техника — молодежи». Если стреляли действительно из «русского нагана», то в СССР в эти годы выпускался «командирский» наган — для учебно-тренировочных стрельб, хотя кое-кому из высшего командного состава он служил личным оружием. Калибр у этой модификации 5,6 мм, ствол укорочен. Человека, может, насквозь и не прострелит, но в дамской сумочке поместится. И патрон у него неприметный: не центрального боя, а так называемого бокового воспламенения. По пуле не определишь, только по гильзе. Гильзу же наган не выбрасывает, их потом извлекают из барабана шомполом.

Предположить, что в руках у Симы оказался этот револьвер? Но в свободную продажу он не поступал (за границей), на черном рынке не продавался: слишком уж средненький ствол. Вывод напрашивается сам собой. Ей передал его кто-то (вместе с несколькими пачками патронов), связанный с Красной армией. Или не с армией. Но то, что с СССР, — это бесспорно.

И все же не будем спешить с выводами. Пуля от «русского нагана», говоришь? А с пулями была чехарда. Как утверждает Шмуэль Кац, пуля исчезла, не то по чьей-то злой воле, не то по чьей-то вопиющей безответственности. Опять же не совсем понятно, произошло это в полиции или еще в больнице. Как бы там ни было, пуля не фигурировала в обвинительном заключении — иначе, считает Кац,

²⁵ Александр Ставиский, родом с Украины, центральная фигура финансового скандала во Франции, в котором были замешаны министры социалистического правительства. Всплеск массового возмущения привел к росту националистических настроений, чем воспользовались ультраправые, подняв антиреспубликанский мятеж.

обвинять пришлось бы Ису Дервиша, а не Ставского. Тевет не так категоричен, к нему присоединяется и консультировавший меня эксперт: в отсутствие гильзы, по бесформенному кусочку свинца, установить мало что возможно. Экспертиза не всемогуща.

Зайдем с другой карты: они накануне ссорились. Сима этого не отрицала: на пляж они отправились выяснять отношения после «стычки». Она была вне себя. Причины? Ревность, как правило, беспричинна. Большинство ревнует мимо, не по адресу. Правильный адрес искусно драпируется, для чего ревность направляют по ложному пути, если только сознательно не стремятся ее разжечь – в отместку или «пробудить воспоминания», или из какой иной корысти. Коварство умеет делать это и на пустом месте, но тогда оно исходит не от тех, кого ревнуют. С учетом тогдашней моды на стрелковое оружие, Симе могли и помочь почувствовать себя оскорбленной. И здесь важно не плясать от «русского нагана», вписывая тем самым еще одну героическую страницу куда ни попадя. Не будем на роль Яго непременно назначать агента Москвы по кличке Колтун. На родине Шекспира виртуозов по этой части должно хватать. Разве что Сима – «девушка с характером», нуждалась ли она в такого рода помощи? А стрелять можно было из чего угодно, был бы подойник – была бы сумочка.

Была. Могла быть. Объяснить, откуда? Ах, ваше высококобие, все, что было, имеет свое объяснение, включая и то, чего не было, при условии, что это могло быть (Аристотель, «Поэтика»). И только если б этого не могло быть, «потому что не могло быть никогда», – логическая формула в духе Козьмы Пруtkова – только тогда мы вступили бы в область необъяснимого.

У Симы не было сумочки, утверждает Кете Дан, которая дала ей носовой платок. За отсутствием кармана, скомканный (женские платки полагается комкать), он может быть засунут в рукав – например, учительницей, оставляющей свой портфель в учительской. Как-то раз на немецком Сеня Крупин – острый глаз, родители художники – заметил, что у Маргариты Михайловны из рукава торчит платок с таким же парусным корабликом, какой у нее на комбинации. Под столом у всех учительниц виднелась комбинация, у одних аккуратненько, самый краешек, а у «немки» всегда мятежный парус.

Стало быть, Симе потребовался платок, в рукав платья или блузки сунуть не удосужилась, разгуливать в кофте – которые обычно с карманом – жарко: Тель-Авив, середина июня. Это мужчинам полагается быть в пиджаках, хотя бы и с оторванными пуговицами.

Но свидетельство госпожи Дан решительно ничего не значит: из этого отнюдь не следует, что Сима была без сумочки, когда чета Арлозоровых выходила из отеля. Лучше скажите: не так-то просто убить человека, даже если он твой муж (смех за кадром). Ходить с пистолетом в сумочке – сколько угодно. То же, что сегодня молодой женщине ходить на курсы карате: а ну-ка тронь меня! Но стрелять, не то что в мужа – в его убийцу, стрелять вообще – это как стреляться самой, это как прыгать с десятого этажа из охваченного пламенем здания. «Страшное дело – гореть», поется в русской опере.

Стрелять, как стреляет преступник, умело, расчетливо, или стрелять как «эсерка Каплан», неумело, принося себя в жертву подвигу, – заметьте, себя, не того, в кого стреляешь, – ей-то с какой стати, спрашивается? Ну, возревновала, но не до смертоубийства же. Наверное, была немножко стервой, с годами могла бы стать ведьмой. Дорожила своим положением – жены высокопоставленного партийца, чье всемирно-историческое значение, как водится, преувеличивала: «Они убили Арлозорова!» – с этим криком бегущая по берегу. Все-все-все – слушайте страшную весть. (А навстречу ей другая женская фигура – с братской вестью: «Они убили Ратену! Люди!» Берлин и Тель-Авив города-побратимы.)

Что могло толкнуть Симу на такой самоубийственный шаг, как выстрел в Арлозорова, – допустим? Условно говоря, письмо за подписью «Доброжелатель» с приложением дневниковых записей некоей жительницы Берлина – тех самых, что только сейчас стали доступны, извлеченные спустя полвека из сейфа, куда были положены «на хранение». Такова воля ее семьи, если здесь уместно употребить это слово. Все, что осталось от ее семьи, – внучка, нашедшая утешение в ортодоксальном иудаизме. Бог в помощь.

Могу себе представить Симу за чтением этого дневника! Как он уцелел – тайна за семью печатями, но если б еще и сам Арлозоров остался в живых после всего там понаписанного, тогда бы я просто не знал, что думать о гестапо. Из всех «служб», с известной долей вероятности причастных к смерти Арлозорова, первым на очереди было гестапо. Пока Ахимеир со своими ребятами безобразничал на крыше Германского консульства в Яффе, под этой самой крышей готовилось то, в чем Ахимеира позднее же и обвинили.

Арлозорову было не жить. Не потому, что он Jude, и не потому, что он «министр иностранных дел», а убивать министров иностранных дел известного вероисповедания уже стало доброй традицией. Вряд ли Арлозоров, Виталий-Хаим, даже проходил как «объект разработки» – им мог быть «студент Ганс», если и вовсе не безымянная картонная мишень.

Помимо профессиональных агентов, Третьему рейху было на кого опереться в Палестине. И не только на людей Аль-Хосейни, сбежавшего в Ливан, а оттуда в Германию.²⁶ Еще со времен Блистательной Порты,²⁷ уделявшей лишь малую толику своего блеска святым местам, в Палестине проживали немцы-колонисты. Образцовые немецкие хозяйства продержались в Галилее до начала Второй мировой войны.

Голос израильского старожила: «Жили дружно, по праздникам ходили друг к другу в гости. Они танцевали в своих костюмах, а музыканты наши». – «А флаг со свастикой как же?» – «Мы тогда этого не понимали. Мы же здесь жили, не в Европе».

И в Парагвае, и в Капштадте, и в Палестине «сохранялась немецкая культурная жизнь»: детские сады, библиотеки. Открывались отделения «гитлерюгенда». Наряду с Русским подворьем в Иерусалиме есть Немецкая Слобода (Мошава Германит), не утратившая своей респектабельности и поныне, что подтверждено ценами на рынке недвижимости.

Однако тщетно в ахимеировской рубрике «Из блокнота фашиста» искали бы мы заметку «Эйхман в Иерусалиме», о пребывании Адольфа Эйхмана в Палестине в 1937 году: оберштурмбаннфюрер СС решил «ознакомиться с ситуацией на местах» (британцы выставят его только спустя сутки). Чего я не знаю и о чем никогда не слышал, это о психологическом аспекте германо-германских отношений²⁸: когда немецкие колонисты, полвека как осевшие в Палестине, встретились со вчерашними жителями Берлина, Франкфурта – «немцами Моисеева закона» (т.е. закона, открытого Моисеем Мендельсоном²⁹). Встретились две Германии и не

²⁶ Аль-Хосейни – Иерусалимский муфтий, непримиримый враг еврейской колонизации Палестины, последовательный сторонник сближения с нацистской Германией, в годы войны активно содействовал формированию частей СС из числа боснийских мусульман.

²⁷ Официальное название правительства Османской империи.

²⁸ «Deutsch-deutsche Beziehungen» – понятие недавнего прошлого: политические контакты между «двумя Германиями» в период существования ГДР.

²⁹ Моисей Мендельсон – еврейский философ-просветитель (дед композитора), с которого Лессинг списал своего «Натана Мудрого», родоначальник еврейской эмансипации в Германии. Вообще же под «Моисеевым законом» понимается «Пятикнижие Моисеево», другими словами, иудейское вероисповедание.

знают, куда девать глаза? Или любовь к родине превозмогла всё – и, глядишь, уже два притопа, три прихлопа, и уже баварские куртки, а на женщинах передники, а кто на новенького, вчерашняя первая скрипка Ганноверской оперы, те наигрывают что-нибудь из «Фрейшюца».³⁰ Знаете ли вы, что на базе Сохнута в Берлине действовало посредническое бюро «Ха-Авара»:³¹ репатрианты могли спасти часть своего имущества, финансируя немецкий экспорт в Палестину. Вот почему, несмотря на все призывы американских евреев к экономическому бойкоту Германии, по словам Ханны Арендт, «Палестина была наводнена товарами с клеймом "Made in Germany" (Ханна Арендт, «Эйхман в Иерусалиме»).

Заняться Арлозоровым по отмашке из Берлина было кому и в Тель-Авиве. Доказательств этому нет, презумпция невиновности распространяется и на гестапо, но – как сказал про скрипичный концерт Мендельсона знаменитый одесский учитель Столярский – «мотив насвистывает каждая птичка на дереве». Это если искать мотивы...

Я приведу некоторые из дневниковых записей, сделанные девицей Фридендер, в замужестве Квандт. А набралось их на увесистый том – даром, что в мягкой обложке, даром, что из дневника исчез, к великому сожалению публикаторов, «интереснейший материал, относящийся к жизни супругов Квандт в Америке». Так было удалено чьей-то заинтересованной рукой почти все, связанное с тогдашним министром торговли Гувером. Исключение – и то имевшая место намного позднее, уже в годы президентства Гувера – злополучная поездка в автомобиле с его племянником, обернувшаяся полуторамесячным гипсовым «поясом верности». Их спортивный «мерседес» врезался в телеграфный столб, едва лишь Херберт Гувер услышал те же слова, что и Сильвио в «Паяцах». («"A stanotte e per sempre tua sarò",³² – пропела я ему своим низким, чуть хриплым немецким голосом, который сводит американцев с ума, – в чем я имела несчастье лишний раз убедиться».)

В отличие от публикаторов, нам нет причин горевать об исчезновении американской части дневника, что могла быть экранизирована в духе «Великого Гэтсби». Арлозорова это никак не касается, а читать, какие все кругом ничтожества и кто из этих ничтожеств был во что одет, – ну совершенно неинтересно.

Последняя запись в дневнике датирована девятнадцатым июня тридцать третьего года – счастливой же мыслью вести его двенадцатилетняя Иоганна Мария Магдалина Фридендер обязана подарку, который сделал ей ко дню рождения торговец кожгалантереей Рихард Фридендер, – роскошному бювару с затейливой виньеткой, образованной из четырех букв: *JMMF*.

Начинается дневник словами:

«Сегодня первое октября 1913 года. Двенадцать лет – это когда с тебя спрашивают, как со взрослой. Soeur Ursula³³ того же мнения, Оскар (Оскар Ритшель, ее настоящий отец, в то время проживавший в Бельгии) того же мнения, значит, так оно и есть. В совершеннолетие я вхожу уверенной поступью. Отныне буду записывать свою жизнь, день за днем, все то, что посчитаю своим долгом донести до потомства. Девизом я себе избрала: *Desipere in loco*.³⁴ Моим счастливым числом будет семь – столько же у меня будет и детей: мальчиков и девочек. Моя счастливая буква *H*: Генрих Гейне³⁵

³⁰ Концертмейстер Ганноверской оперы Хенрик Принц не внял «утешному голосу» и закончил свои дни в Освенциме.

³¹ «Перемещение», «Трансфер» (иврит).

³²: Этой ночью я стану твоей навсегда (итал.).

³³ Сестра Юрсуль. (фр.).

³⁴ Безумствовать там, где это уместно (лат.).

³⁵ Heinrich Heine.

И встает с улыбкой рыцарь,
И целует пальцы донны,
И целует лоб и губы,
И такое молвит слово...

Soeur Ursula говорит, что в моем возрасте читать Гейне вредно. И потом, что он не знал хорошо немецкий. "Ich weiss nicht, was soll es bedeuten" – ce n'est pas allemande. Il faut dire: "Ich weiss nicht, was es bedeuten soll".³⁶ Soeur Ursula преподает немецкий, она из Австрии или откуда-то оттуда. Я ее любимая воспитанница.

Ниже – выдержки из дневника, по прочтении которого убийство Арлозорова предстает в ином свете, хоть бы и в ложном. Должны быть рассмотрены все версии, включая и «немецкую». С точки зрения мотива, она наиболее убедительна. Да и наиболее приемлема сегодня для всех. Сегодня! Недавно об этом и заикнуться «не моги», но вот идейная компонента оказалась выброшена на берег. Превратилась в музейный экспонат. О дивный новый мир, куда нас уносит потоком жизни и где водопровод снова будет важнее нефтепровода!

Золовка Симы, «Лизочка» (так ее всю жизнь все звали), на склоне своих дней отреклась от бывшего символа веры или даже открылась в своем изначальном неверии: никогда она не верила в вину Ставского, всегда думала на немцев. Это только Сима до последнего вздоха – «до последнего патрона» – настаивала на своем. На своем крике: «Евреи убили Арлозорова!»

Говорит дневник. Он говорит, как прорицательница в «Расёмоне»: сперва голосом девочки, потом женщины, давно оставившей этот мир, и так страшно его оставившей – как, может, еще никто из женщин до нее.

«...А Lisotschka и говорит: ее лучшая подруга в Кенигсберге была тоже Фридлиндер,³⁷ только звалась Аней. "Выходит, я тоже должна стать твоей лучшей подругой?" – "Нет, – отвечает. – Просто хотела спросить, не родственница ли? У тех Фридлиндеров, у кенигсбергских, был парфюмерный магазин. Они решили остаться. А мы переехали. Ты ведь тоже из *понаехавших*". Может, и выдумала про "тех Фридлиндеров" – чтоб задружиться. А в какую школу я ходила в Бельгии? "А я воспитывалась в монастыре". – "Ты?.. Вы, что ли, христиане?" – "Герр Фридлиндер – мой отчим. *Изделия из кожи Фридлиндера, Лейпцигерштрассе*. Хоть он мне как отец. Я его так и называю: отец. А по отцу я была бы Ритшель. Оскар Ритшель, он инженер и философ, первый муж моей матери». (9 сентября 1914 года. Разговор происходит на перемене. *Höhere Töchterschule* – «Школа для высокородных дочерей». Одна «высокородная» – еврейка из местечка Ромны, другая – дочь смазливой горничной от случайного постояльца.)

«13 сентября (чай у Лизочки).

Если честно, то было весело. Мать мила, но акцент злодейский. Может быть, даже чересчур мила: Лизочкин торт улетел под стул, и ей никто за это не выговорил. Шутят: "Еврейский лаун-теннис". Я со своими детьми буду строже».

«17 сентября.

А казаков-то бьют. Сперва Танненберг, теперь Мазурское озеро. Фрау Арлозорофф в восторге: они бежали от погромов в Кенигсберг, но видите: их преследуют по пятам. Ничего, матушке России сейчас покажут. В Малороссии, откуда они родом, евреев грабят и убивают, включая детей. Малороссы свирепствуют. Кем надо быть, чтобы убивать маленьких детей? Одного не принимаю, почему в семье они говорят по-русски. Россию ненавидят, а сами говорят по-русски. Даже Лизочка

³⁶ «Не знаю, что бы значило это» – так нельзя сказать по-немецки. Надо говорить: «Не знаю, что бы это могло значить» (нем., фр.).

³⁷ Быть Фридлиндером в Германии почти то же, что в России – Рубинштейном.

с братом. Глупо. "А если вас примут за русских шпионов?" – "А у нас немецкие паспорта". Какая наивность, как будто не бывает поддельных паспортов. Ее брата я ни разу не видела. Он двумя годами старше нас. Учится в гимназии Вернера фон Сименса, там учится пол-Берлина евреев. Зато на круглые единицы».

«22 ноября.

(...) "Ты чего?" – "Да сметаны наелась... Витю избрали шеф-редактором "Вернер-фон-Сименс-Блеттер" – вот чего! Нет, ты представляешь?" – "Познакомила бы как-нибудь?" – "Ой, к нему сейчас не подступиться».

«Веще воскресенье.³⁸

Ходила гулять с Арлозоровыми в Тиргартен. (Еле упростила маму. Говорит: они дурно на меня влияют, у меня появились манеры, которых раньше не было. Глупости.) Нас было пятеро: Лизочка, ее родители и – внимание, снимаю! – шеф-редактор "Вернер-фон-Сименс-Блеттер" собственной персоной. В очках, но редактору прощительно. Его фуражка притягивает взоры. Дважды оглянулся один из гимназии Кайзера-Вильгельма (бело-красно-черные фуражки, сам толстый-толстый). А еще на нас все время пялился замухрышка из Фридрихи-Аугусты (bonnet violet).³⁹ Повстречался и наш человек (огонь, черное). Друзья пожали друг другу руки, поговорили недолго и разошлись. После чего мы направились кормить лебедей. Среди них был черный с терракотовым клювом, по имени Ганс. Все принялись кидать Гансу, но он вытягивал шею, только когда кидала я. "Влюбился в вас, – сказал мне шеф-редактор. – Может быть, его настоящее имя Лоэнгрин?" – "Лоэнгрин был белый, и потом, он влюбился в Эльзу", – вмешалась Лизочка – хоть и тихоня, а свое счастье кто упустит. "Нет, его зовут Ганс"⁴⁰. Буква *H* – буква моего счастья". – "Выходит, у меня нет никакой надежды?" – "Выходит. Если только вы не смените имя и не превратитесь в какого-нибудь студиязуса Ганса". – "Я – в Ганса? А чем вам не по вкусу имя Виталий. Знаете, что оно означает? Что я буду жить до ста лет". – "А зачем вам так долго? Раз уж вы на *V*, то сделайте Виктора. Одна победа лучше, чем сто поражений". Что с ним стало! Такое услышать от тринадцатилетней. А Лизочка: "Я же тебе говорила, она необыкновенная". Самое интересное, что в бумагах он Виктор. Преподобный Виталиан – даже как-то смешно. Покормив птиц, и сами зашли перекусить в "Веймарер Хоф". "А правда, что у вас в Бельгии хлеба не едят?" – "Люди нет, только лебеди. А правда, что у вас в Кенигсберге пиво с хлебом пьют?" Принесли меню. Прежде чем уткнуться носом в свой листок, шеф-редактор снял очки, не спеша достал платок – но вместо того чтобы протереть стекла, с чувством высморкался. Я расхохоталась: перепутал зрение с обонянием. Они смотрят на меня в недоумении. Отговорила первым, что пришло в голову: кельнер – вылитый отец. "А что тут смешного?" – спрашивает фрау Арлозорофф "с ноткой в голосе". – "Ну как – что? Герр Фридлендер в кельнерском переднике". Боюсь, по своей материнской чуткости она догадалась. Виталия они с Лизочкой обожают наперегонки».

Следующая важная для нас запись относится к концу 1916 года.

«14 декабря.

"Путешествие в Лемберг", подзаголовок: "Еще одно свидетельство". Это скоро появится в газете у Виктора. Свидетельство мое, а опубликовано оно может быть только с разрешения Отдела прессы при Генеральном штабе Имперских Вооруженных Сил. Во-первых, Лемберг – заграница, во-вторых, Лемберг лежит в непо-

³⁸ Согласно легенде, в отрочестве будущему императору Фридриху I *Огненной бороде* во сне явился ангел и протянул пылающий меч со словами: «Собирателю земель немецких». «Веще воскресенье» – последнее воскресенье ноября, оно же первый адвент, – как государственный праздник был учрежден в эпоху грюндерства и просуществовал до 1919 года.

³⁹ Здесь: фуражка с фиолетовым околышком.

⁴⁰ По-немецки Hans.

средственной близости от полей сражений. За разрешением нам пришлось поехать в Потсдам. Какой-то нахал в "лондонке", лет двадцати, не меньше, галстук морским узлом, уселся напротив меня, расставив ноги. Виктора это взбесило. "Как вы сидите – здесь дамы". Тот угрожающе достает перочинный нож и начинает чистить яблоко. Виктор бесстрашен: "Если вы не извинитесь, вам несдобровать," – встает и рукой берется за стоп-кран. Мужчина побледнел: "Сумасшедший", – и быстро перешел в другое отделение. "Ты герой". – "По-твоему, это привилегия христиан – быть героями?" – "Почему ты говоришь *по-твоему*, когда ты знаешь, что на самом деле *по-моему* – что евреи самый великий в мире народ после немцев, а может, даже и наоборот, немцы после евреев, если по порядку". Уж кому-кому, а ему известны мои убеждения, он же "моим голосом" рассказывает о подвиге обер-лейтенанта Дейчингера. Как в великопостные еврейские сутки *Йон Кипер* обер-лейтенант Дейчингер отказался от предложения полковника не участвовать в боевых действиях. "Герр оберст, тогда пуля, предназначавшаяся мне, сразит кого-нибудь другого, и все скажут: оттого, что он еврей. Нет, больше чем когда бы то ни было, сегодня я обязан быть впереди". И в священный для евреев день *Йон Кипер* он повел свою роту в бой, из которого не вернулся. Это и есть еще одно свидетельство против тех, кто обвиняет евреев в трусости на войне. Отец выхлопотал для всех нас специальный пропуск в Австрию: вдова павшего героя – его сестра. Обер-лейтенант Дейчингер был торжественно погребен на еврейском кладбище в Лемберге в присутствии представителя Его императорского и королевского величества, передавшего фрау Дейчингер медаль "Чести" второй степени и письмо за собственноручной подписью: *Франц Иосиф. (...)* Едва мы вышли, как Виктор пристал ко мне: "А почему он тебя спросил, любишь ли ты Стендаля?" – "Почему-почему... Рассказывает же фрау Дейчингер, что, когда они с мужем только познакомились, они свои встречи держали в тайне. Любая записка, если над десятым словом клякса, значила, что он ждет ее в шесть вечера на скамье перед Grand Opera. К твоему сведению, эта клякса – из романа Стендаля". – "Ты все выдумала?" – "С чего ты взял? Фрау Дейчингер тоже читала *Красное и черное*. Не о том беспокоись. Остались дети-сироты. Война закончится, об их отце скоро забудут. А чем расти без отца, лучше не родиться. Тебе этого не понять"».

Пропустим полтора года. Как пишут в полэкрана с многозначительным отточием: «Полтора года спустя...». И тапер за пианино это старательно воспроизводит – какая-нибудь Надя Рейнхарт.

«5 марта. (Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, ибо начался по старому стилю, а завершился по новому...)»

Помирилась с Лизочкой. У нее слезы просыхают, не долетая до земли. Какое счастье жениться на грибном дожде! Витя ей полная противоположность. Во всем дойдет до последней точки, но при условии, что она – раскаленная. Так – нет. Потому что *самовозгораться* – не по нем, только от чего-то, трением, черканьем собой обо что-то шершавое. Будь то я, будь то потери французов под Амьеном, будь то экономическая теория Маркса. Наш очередной Маркс – новоеврейский язык. Витя набросился на него с яростью: того и жди, разорвет в клочья. Страсть в нас бурлит. Все разговоры о новоеврейском. "Это как новогреческий, только больше похож на своих папу и маму". – "А с социализмом покончено?" – "Наоборот, на этом языке впервые был сформулирован основной его принцип: *возлюби ближнего своего, как самого себя*. Это краеугольный камень социализма". – "Ты просто ищешь каждый раз, обо что бы черкнуть спичкой, чтоб вспыхнуть. В твоём возрасте источник должен быть еще в тебе самом. А то темперамента с Везувий, а извержение начинается, только когда лезешь целоваться, – думаешь, я не вижу?" Отстранился сконфуженный. На самом деле никакого конфуза, я уже давно зрелая женщина, многое знаю, многое пробовала. Мне бы не пришлось симулиро-

вать страсть, как Матильде де ла Моль в ее первую ночь с Жюльеном Сорелем. Хотя в том, как она мучает Сореля рассказами о других соискателях, я узнаю себя».

«19 июня.

”Я еврей, чем и горжусь. Я никогда не скрывал, что до конца не чувствую себя немцем. Для немца я слишком раздвоен, и в своем стремлении к цельности слишком дорожу всем восточным в себе”. (Из сочинения гимназиста В. Арлозорова.) ”Из любой другой гимназии тебя бы за такое выбросили”. – ”Пришлось бы выбрасывать всю гимназию”. (То, что казалось фантастическим в канун провозглашения Веймарской республики, менее чем через двадцать лет сделалось само собой разумеющимся. Реальная гимназия Вернера фон Сименса, известная своими либеральными порядками и насчитывавшая из трехсот пятидесяти одного учащегося двести сорок три еврея, была закрыта в 1935 году по распоряжению гауляйтера Берлина Йозефа Геббельса. Л. Г.) ”А знаешь, отчего ты перестал чувствовать себя немцем? Оттого, что рейхсвер тебя разочаровал”. – ”Магда, это подло. Ты знаешь, я не трус”. – ”Не трус, когда надо защитить женщину. А когда надо защитить отечество?” – ”Свое отечество я сумею защитить!” – и выбежал. Сейчас вернется: очки-то оставил. А я спрятала, пусть поползает сперва. Он в моей власти. Без меня обо что он будет черкать спичкой?»

«30 сентября (1919 год, который был еще страшней... А уж как страшен был 1920! И так чем дальше, тем страшней – потому что тем ближе).

Прощай Берлин! Прощай Витя с его безумствами, прощай, ”школа для хундордных дочерей”, – всему мое прости! Поезд несет меня в Гарц, прямо на ведьминский шабаш: моим Брокеном будет ”Хольцгаузен”...»

«Хольцгаузен», по названию деревушки близ Гослара, – в ту пору одно из лучших закрытых женских учебных заведений в Центральной Германии. Она проучилась там всего лишь несколько месяцев, в продолжение которых блистала своим французским и поражала воображение соседок по дортюару рассказами о своих британских поклонниках: первый из них – знаменитый перчаточник, до войны поставщик всех королевских дворов Европы, второй – обер-кельнер в дорожном ресторане в Тиргартене, он угощал ее самыми лучшими остендскими устрицами с самым дорогим шампанским. В реальности и обер-кельнер, и перчаточник были одним и тем же лицом: война пустила Рихарда Фридендера по миру, превратив коммерсанта в официанта. Такого падения бывшая горничная Аугуста не снесла и подала на развод. Ее дочь, возвращаясь с рождественских каникул назад в Гослар, знакомится на перроне в Ганновере с человеком, который, по подсчетам «Берлинер Иллюстрирте», своим состоянием превосходил князя Турн-и-Таксис во столько же раз, на сколько лет был старше фрейлейн Фридендер, – а годился он ей в отцы; получался еще один отец, уже третий. Гюнтер Квандт – текстильный магнат, мультимиллионер, отец двух взрослых сыновей, Хельмута и Херберта, так и представляешь себе Фазольта и Фафнера, двух стерегущих золото братьев-драконов, с тою лишь разницей, что имена их были не на *F*, а на *H*. Свадьба состоится в январе (следующего года), а в ноябре у нее родится сын, которого она назовет Харальдом, опять же именем, начинающимся с «буквы ее счастья». Далее – Америка, пребывание в которой дневник почти не отражает, за вычетом, как уже говорилось, драматически закончившегося – с отсрочкой в девять лет – приключения с Хербертом Гувером-младшим, обладателем все тех же магических инициалов: *HH*.⁴¹ И тут круг замкнулся – на поэте, чей прах покоится в Париже, но дух витает над оснеженным Гарцем, над Госларом с его Кайзерпфальцем,⁴² в

⁴¹ Herbert Hoover.

⁴² Замок XI в., резиденция германских императоров. Когда Г. Гейне писал «Путешествие по Гарцу», Кайзерпфальц уже – еще? – лежал в развалинах. Реставрирован в 70-х гг. XIX в. в правление Вильгельма I («Великожопого»).

стенах которого творил суд еще Фридрих Барбаросса. Она умирала вернуться в Германию...

Развод с Квандтом неизбежен, как смех за кадром в мыльном сериале. Этот старый скряга, носившийся со своим фальшивым благочестием, усыновивший в придачу к Фазольту и Фафнеру еще и трех своих племянников, которых ей порой хотелось отравить, всех, вместе с папенькой, – Квандт был немецкой разновидностью *DWEM* (Dead white european male – мертвый белый европейский мужчина – прозвище консервативного американского протестанта). По его настоянию перед свадьбой ей пришлось перейти в евангелическую веру и взять фамилию того, кто зачал ее вне брака, любителя тибетской мистики Оскара Ритшеля, лишь бы не писаться «урожденной Фридлендер». Бракоразводный процесс, начавшийся после возвращения в Берлин, продолжится девять лет, столько же греки осадили Трои. Формальный повод в обоих случаях одинаков: измена Менелаю с юным Парисом. Как пишет один из биографов: «Однажды Квандт застал супругу с молодым студентом в недвусмысленной обстановке», – Курт Рисс, писавший об этом по горячим следам (1947), даже не подозревал, кем был этот студент. И никто долгие годы ничего не подозревал: какой-то там «студиозус Ганс». Супружеская неверность освобождала потерпевшую сторону от уплаты алиментов, чего, однако, не случилось: не только юная супруга имела слабость верить бумаге «сердешны тайны», но и опытный «мультиворотила» Квандт страдал тем же. Довольно опрометчиво он сделал в письменной форме несколько компрометирующих его признаний, а главное, высказал предположение – не свое, слуг, – что Хельмут, старший сын, оказавшись в Нью-Йорке один на один с этой «женой Потифара», попал в расставленные ею сети – то-то она помчалась в Париж, когда бедный мальчик уже умирал. (По пути из Нью-Йорка, в Париже, сыну Квандта, как и сыну Троцкого, будет сделана операция аппендицита «со смертельным исходом».)

«Второй день хануки (1922 года).

...Задыхаясь, позабыв всякую осторожность, мы упали друг другу в объятия. "Магда... О, Магда..." – шептал он. Как могла я все эти годы жить без него, когда мы созданы друг для друга, когда мы понимаем друг друга с полуслова!

Я:

"И встает с улыбкой рыцарь,
И целует пальцы донны,
И целует лоб и губы,
И такое молвит слово..."

Он:

"Я, сеньора, ваш любовник,
А отец мой – муж ученый,
Знаменитый мудрый рабби
Израэль из Сарагосы".

И тут открывается дверь...».

«30 декабря.

В обществе "Тикват Цион" он царит, его слушают с горящими сердцами, и ярче всех пылает мое сердце. "Вперед на Восток к Сиону устремлены глаза",⁴³ – поем мы стоя. Там его зовут другим именем: *Хаим – Жизнь*, какую наполнил Всемогущий Адама-Кадмона, первоначального человека, жену его Хаву и весь род

⁴³ Слова сионистского гимна «Ха-Тиква» («Надежда»), ныне гимн Государства Израиль.

их. Как множество жизней в этом имени, так и множество дыханий в его звучании, в первом его звуке: *хет*. "Я тоже тебя так буду звать: Хаим..."».

«31 декабря, последний день уходящего 1922 года, – ужасно хочется заглянуть в 31 декабря 1923 года. И хочется, и страшно: что-то будет тогда у меня уже в прошлом – из того, что еще не наступило. Гюнтер окружил меня пинкертонами, пытается оставить без средств к существованию. Поздно! Пусть только попробует первым бросить в меня камень. На поживу рептилиям у меня припасено достаточно. Будет знать, как повторять кухаркины рассказы: Хельмут и я. Да может, у меня были свои "Les mystères des Paris"⁴⁴. Мать меня не понимает: "Понимаю, Гюнтер для тебя стар. Но тебе же ничего не стоит сделаться миссис Гувер. На что тебе этот студент? Даже преуспев, он на тысячную долю не станет как те, кого ты отвергаешь. Подумай, с кем ты хочешь соединить свою жизнь?" С жизнью, мама».

«2 января, первая запись в новом году.

"Если я стану спутницей жизни такого человека, как Жюльен, которому не хватает только состояния, – а у меня оно есть, – я буду привлекать к себе всеобщее внимание, моя жизнь не пройдет бесследно. Пусть мои родственницы все время трепещут при мысли о революции, они, которые от страха перед народом не решаются прикрикнуть на кучера; я уверена, что буду играть роль, и роль крупную, так как человек, на котором я остановила свой выбор, – человек с характером и с безграничным самолюбием". А кем была бы я, став миссис Гувер или оставаясь миссис Квандт? Главнокомандующей армией лакеев и горничных и к тому же объектом зависти всех тех, для кого счастье измеряется количеством упоминаний твоего имени на страницах "Берлинер Иллюстрирте Цайтунг"».

«8 марта.

При первой же возможности верну Гюнтеру его фамилию. Отцу это будет приятно, и потом... не естественней ли спуститься по трапу в Яффе, именуясь Фридендер? Хаим, я не желаю быть Марией Магдалиной – христианской плакательщицей. Мария из Магдалы – еще ужасней, чем Магда из Берлина. Хаим, дай мне новое имя, такое же гордое, как твое. Сидели в "KZ",⁴⁵ так мы в шутку называем кафе "Кранцлер", и придумывали мне имя. В десять пришла Бэлла, ужасно смеялась: "Ты хочешь стать Руфью? Но Руфь была сама кротость. Посмотри на себя. Я вижу тебя в Палестине, за спиной ружье, на устах псалом Давида". (В своих воспоминаниях Бэлла Фром почти дословно воспроизводит эти слова: "...В каком-нибудь кибуце, с оружием в руках и стихом из Торы на устах". Бэлла Фром, "Банкеты и кровь. Дневник берлинской социальной жизни".) – "Тебе легко говорить, вам всем легко говорить. Вы – евреи. А я – моавитянка Руфь... И родила Руфь Овида, и родил Овид Иессея, а тот родил Давида, величайшего из царей Израилевых". Хаим отстегнул воротничок, снял через голову золотую цепочку с шестиугольным щитом давидовым и повесил мне на шею. Я не плачу. Не плачу никогда, а тут расплакалась. Так мы обручились.

Ночью.

Что ждет Харальда в Палестине? Как Руфь родила сына Ноэмини, так и Харальд родит тебе сына. Потому что сама ты не вправе родить еврея. *Dura lex*.⁴⁶ А Харальд женится на гордой еврейской женщине, способной сражаться с врагами наравне с мужчиной. И их дети уже будут сынами племени, а не как мои от Хаима. Нет, это неправда! А как же царь Давид, правнук Руфи? А Мессия, что, он не потомок моавитянки? Каждый человек – еврей! О Хаим, кто, как не ты, всегда повторял за фи-

⁴⁴ «Парижские тайны» (фр.).

⁴⁵ Аббревиатура для обозначения концлагеря. Отсюда ныне вышедшее из употребления израильское «кацетник», аналог русского «лагерник».

⁴⁶ Суров закон. «Суров закон, но это закон». «*Dura lex sed lex*» (лат.).

лософом: хочешь быть евреем – будь им. Уже сейчас все люди – евреи, просто они этого еще не знают. Потому и “умножу тебя и сделаю как песок морской”. Иудаизм когда-то держал двери широко распахнутыми. Он затворил их временно, и времени этому приходит конец. Объясняет же Грец:⁴⁷ это была вынужденная мера, римские легионеры входили к еврейским женщинам, и тогда законоучители постановили: считать евреем каждого, кто рожден матерью-еврейкой. Но основополагающим считается сказанное в Танахе: “Израиль – знамя для гоев”.⁴⁸ Под этим знаменем все народы сольются воедино, и исполнится пророчество Исаяи: “Волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком, и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их”. Это и есть социализм. И это вечный мир, который возможен, если каждый осознает себя евреем. Потому что еврей никогда не прольет еврейскую кровь. Нелепы попытки христиан, только и знающих, что истреблять друг друга, обращать в христианство всех и вся. Зачем? Чтобы множить усобицу народов? Миссионеры говорят: все из-за того, что избранный народ отверг своего Мессию. До тех пор, пока последний еврей не обратится и не уверует в Христа, царство Божие не наступит. А Теодор Герцль им на это: “Мы уходим от вас. Вперед к Сиону устремлены наши глаза”. Но он ратует за Еврейское Государство – не за древнее царство. А Царство Божье, обещанное древними пророками, не наступит, пока последний гой не обрежет свое сердце. Что говорит раввин Кук:⁴⁹ “Как Всевышний избрал Израиль Своим народом, так же и Землю с населяющими ее народами благословил Он быть Сионом вселенной”.

Пять утра, по телефону.

“Хаим, хочу иметь от тебя детей”. – “Прямо сейчас?” – “ Попрошу без плоскостей. Хочу, помимо Харальда, еще шесть от тебя. Назови женские имена на хет?” – “Хэн, Хамуда, Хагигат, Хэши, Хаелет⁵⁰... – “А мужское?” – “Хазак”.⁵¹ – “Хорошо... Как казак. (Их у нее и впрямь будет еще шестеро, пять девочек и мальчик: Хельга, Хильда, Хольде, Хедда, Хайде и Хельмут.) Нет, обещаю, что мы уедем вместе. Наши дети будут евреи. Довольно и капли еврейства, чтобы освятить кровь и чтобы еврейской заструилась она по жилам”. – “Типично антисемитский подход. Евреипатриоты никогда не поймут, что чем больше они называют себя немцами, тем больше их ненавидят. Натан у Лессинга бьет себя в грудь: мы как вы! А немцам слышится: вы как мы. Густота еврейской крови повергает их в ужас: довольно одной капли, чтобы осквернить расу, чтобы превратить человека – в еврея. Это не евреи скоро растворятся в немцах, это они сами скоро растворятся в евреях. Сегодня каждый четвертый брак – экзогамный. Что будет с Германией через десять лет, в тридцать третьем году? Для немцев это катастрофа. Так они рассуждают, и по-своему правы. Почему, ты думаешь, они убили Ратенау, а не какого-нибудь польского ребе с пейсами до пят? Наша задача убедить их в том, что сионисты им не враги, а союзники”».

«20 апреля.

⁴⁷ Генрих Грец (1817 – 1891), автор двенадцатитомной «Истории евреев».

⁴⁸ *Нес ле-гоим*. Имеется в виду библейское: «И поднимет знамя язычникам, и соберет изгнанников Израиля, и рассеянных Иудеев созовет от четырех концов земли» (*Исайя XI, 12*).

⁴⁹ Авраам Ицхак ха-Коэн Кук (1865 – 1935) – первый верховный раввин ашкеназийской общины Палестины. В отличие от других авторитетов ортодоксального иудаизма, поддерживал идеи сионизма, т. е. создания светского еврейского государства. В последние годы жизни навлек на себя гнев лейбористов во главе с Бен-Гурионом тем, что настаивал на невиновности Ставского.

⁵⁰ Хэн – милая, Хамуда – симпатичная, Хагигат – праздничная (название легкого наркотика), Хэши – «хананизированный» вариант имени «Хася» и в то же время «гашишная», Хаелет – солдатка.

⁵¹ Сильный.

Есть люди-собаки и люди-кошки. Первые боготворят того, кто их кормит. Вторые позволяют боготворить себя тому, кто их кормит. Лиза собачьей расы.⁵² А Хаим и я, мы оба люди-кошки. А жить вместе могут только кошка с собакой. Кто из нас отречется от своей расы? Вопрос риторический: конечно, я. Ни с кем другим на такое самоотречение я не готова. Но никто другой и не посулил мне царство. Остаться в веках новой Руфью...»

«21 августа.

Танцевальное кафе на берегу Ванзее, а кажется, что попал во Флориду. Музыканты в белых шелковых парах. Американские ритмы: танго, румба. Румба – кроме кубинской, естественно, – это "взаимность в предвкушении взаимности", это обещание "любить твою любовь". Танго, напротив, война полов. Отчужденность желаний и оттого ненависть друг к другу. Это заостряется с каждым па. Я хотела объяснить это Хаиму. Он демонстративно невнимателен, как будто думает о чем-то своем: "Что? А? Извини..." Так я тебе и поверила. Словно я не вижу: ревнует меня к моей прошлой жизни. Немножечко – пусть. Я в еще меньшей степени могу заполнить собою его жизнь. Но я же не ревную его к конференции в Базеле. Две недели не виделись. В Палестине все изменится, там я стану своя».

«9 ноября.

Харальд получает ко дню рождения товарный состав. И тогда его "рейхсбанн" будет полностью укомплектован. У него уже есть и международный экспресс, и скорый поезд, и местный, и товарный состав, и даже дрезина. Все говорят, что в два года это рано. Зато никто не скажет, что я плохая мать. И что плохая дочь, не скажут. Накануне была с отцом в Доме Лессинга. Ораторствовал доктор Драгонер, председатель "Союза немецких ветеранов иудейского вероисповедания": "Освоение Палестины – это для ост-юден. Хуже, чем у себя в Польше или России, им все равно нигде не будет. Хотя разумней было бы попытаться удачу в Америке. Но вообразить себе нас, бросающих все и переселяющихся во вчерашнюю турецкую провинцию, – для этого надо обладать крайне болезненной фантазией". Когда их высокоблагородия – еврейские юристы, дантисты, журналисты – так говорят, я вспоминаю Стендаля, моего любимого, обожаемого Стендаля. "У Круазенуа есть все, но он до конца дней останется человеком разглагольствующим, когда надо действовать, не впадающим в крайности, следовательно, всегда *на вторых ролях*. А какое великое дело не считается *крайностью*, пока его совершают? Только после того, как дело сделано, оно представляется возможным даже людям заурядным". То же могли бы сказать себе в утешение герои мюнхенской авантюры, описанием которой сегодня полны все вечерние газеты. Больше ста человек убитых и раненых, а еще утверждают, что девятнадцатый год больше не повторится. Я знаю, что бы сказал Хаим: "Глупо было дать себя перестрелять. Теперь в *Юдишер Анцайгер*⁵³ начнут гладить себя по попке и постанывать: вот видите, полиция своими решительными действиями доказала, что демократия в надежных руках, что нам, немцам, околополитическая чернь не страшна". Завтра он возвращается. Хотела встретить, но и без меня встречающих достаточно. Увидимся ночью».

«10 ноября – дым! дым! дым! В глазах клубы дыма – – –

Все сожжено. Претерпеть. Превозмочь. Превзойти. На то ты и Магда, что ты превыше всего. На то ты и Магда, что можешь, чего не могут другие. В сознании этого твоя сила. Лизочка плачет своими на лету сохнувшими слезками: все мать! Она не верит, что ты в состоянии вырастить детей. Родить-то еще родишь... Все правильно, оцениться любая сука может. А любить настолько, чтобы занести над

⁵² Die Rasse означает и расу, и породу.

⁵³ «Еврейские известия».

ними жертвенный нож? И решили на семейном совете, что лучше пусть рождает та. И ждать меньше, на пятом месяце уже. Откладываем на счетах пять месяцев – конференция в Базеле. Pousse! Respire!⁵⁴ Руки в кулаки, губы до крови закушены. Спрашиваю Лизочку: "Кто она?" – "Еврейка!"».

Проходит лет – один... два... три... много (так считают индейцы у Карла Мая, не покидавшего, как известно, родной Тироль). Мы – в 1928 году. Многообещающий политик в рядах лейбористской партии, Хаим Арлозоров в приурочивании к тому, чтоб стать «доктором Хаимом Арлозоровым». Для этого он снова в Берлине. После рождения дочери он переехал в Палестину, где навязанный ему обстоятельствами брак вскоре будет расторгнут. Ничего, вся жизнь впереди, первый брак комом. В Берлине первый звонок – куда?

«28. IV

Сначала дикая злоба. Услышав: "Это Хаим", я пришла после минутного замешательства в ярость. Ну ладно, сказала я себе через минуту, в продолжение которой трубка испражнялась его голосом, – ладно, повидаюсь. В конце концов, интересно, во что превратила его Земля обетованная. Я назвала ближайшее к дому кафе, куда обычно никогда не захожу и где трудно встретить знакомых. Появляется. Дорожный костюм, брюки «гольф» – похож если не на англичанина, то на успешно-до предпринимателя с немецкого юго-запада:⁵⁵ смуглый цвет кожи, странноватая обувь, повадки вечного гастролера. "Рассказывай. Только не надо каяться и просить прощения". Он свободен, он никогда не любил свою жену, он всю жизнь любил меня одну. "Я это часто слышу. Я тоже свободна. В сочетании с моими достоинствами и четырехтысячным месячным содержанием это предоставляет мне безграничный выбор. Некий мистер Гувер, узнав, что я наконец-то разведена, истолковал это глупейшим образом и забрасывает меня из-за океана цветами и письмами. Я предупредила его, что своей женой ему меня не видать, даже если вместо цветов он начнет забрасывать меня бомбами, а в остальном ни от чего не зарекаюсь. Это относится и к тебе. *Гитара моя, кому хочу, тому даю играть*, – пропела я из "Хабанеры"⁵⁶ своим чуть хриплым контральто, от которого мужчины теряют голову. Продолжаю: – Если очарование французской женщины в ее кокетстве, то сила немецкой женщины в ее честности. Я ценю силу – в себе и в других. И не выношу слабаков. Как видишь, я теперь не только складно говорю, но и здраво мыслю". Я уже знала, как отомщу ему, – не своим "нет", к чему он внутренне готов, но своим легкомыслием, исключаяющим те чувства, на которые он притязает, – с его-то провинциальным самомнением и восточным темпераментом. Боже! Я изнемогаю в ожидании... Тем страшнее будет моя месть – и за это тоже».

«11. VIII

Пудря нос, обращаюсь к понурому отражению в глубине зеркала: "Хаим, я сегодня занята. Можешь меня обнять, но не больше. Развлекись, дружок, сам – я разрешаю. Хочешь с моей пуховкой?" – "Шлюха!" – "Шлюхам платят, а я не по карману не то что тебе – Квандту, Гуверу. И я продемонстрирую это тем, что сейчас, когда он за мной прикатит, уступлю его домогательствам, – а я это сделаю, можешь не сомневаться, – но наотрез откажусь принять в знак признательности его имя. Ну, какая же я тебе, дружок, после этого шлюха? Я – царица. И уж царство мое будет не от мира сего"».

«8. XI

"Мои сердечные поздравления свежеиспеченному доктору". – "Я уезжаю завтра". – "Я это слышала еще вчера". – "И ты ничего не хочешь мне сказать?" –

⁵⁴ : Тужься! Дыши! (фр.).

⁵⁵ Бывшие африканские колонии, современная Намибия:

⁵⁶ Возможно, имеется в виду шлягер из репертуара Зары Леандер.

”Хаим, я честная женщина. Я всегда была ею и ею остаюсь. В моем случае это не Бог вещь какая добродетель. Для католика честность вроде индульгенции, а я воспитывалась в монастыре. И вот я честно тебе говорю: я ценю в тебе лишь то, что напоминает мне об одной, может быть, самой пленительной иллюзии в моей жизни. В остальном к тебе я безразлична. Просто я – женщина, ты – мужчина, между нами огонь: *Иша* – *иш* – *эш*. (Расхожий пример «каббалистической этимологии»: по-древнееврейски *иша* – женщина, *иш* – мужчина, *эш* – пламя.) Но это слепое безадресное пламя. И все же обещаю, в трудную минуту я всегда приду тебе на помощь. Помнишь фрау Дейчингер? Кляксу над десятым словом?” Он кидается ко мне. ”Лишнее. Счастливого пути”. *О, ты не знаешь, как месь сладка...*” – напеваю я, оставшись одна, сама едва ли не сходя с ума от своего густого грудного контральто. *О, как я их понимаю...*»

«8. XII

С Харальдом на рождественском базаре. Почему считается, что настоящий немецкий рождественский базар – в Нюрнберге? Берлинский ничем не хуже. Меня беспокоит, что Харальд мал ростом для девятилетнего. (Ах, ему уже девять – не за горами 1931 год, в ее жизни переломный. Судя по фотоснимкам, Харальд вымахает, он в мать, крупную блондинку с прямым ясным взглядом.) Королевская почта должна выплатить мне премию, но *postillons d’amour*,⁵⁷ поднимаясь трижды в день по лестнице, те, конечно, честят меня на все корки. На смену потоку писем из-за океана забил фонтан писем из Палестины. От меня не требуется отвечать, достаточно и того, что я, предположительно, их прочитываю. Я и прочитываю, отчего ж нет? Картина встает безрадостная. Постепенное превращение пламенного агитатора в канцелярскую крысу. Начальником над крысой – жирный диснеевский кот, в пробковом шлеме, со стеклом, в *schorts*, все, как полагается в колониях. Какой-нибудь мистер Ваучоп. Об отважной жизни первопроходца можно забыть. Или это пишется с умыслом: не кори меня очень уж жестоко, в конце концов, я избавил тебя от разочарований. Но едва заводит речь о своих чувствах – ворчливо-го тона как не бывало. Снова пламенный агитатор – за себя, за свою страсть ко мне, в которой ему нет равных. И обязательно вернет что-нибудь про ”моего колченого Робеспьера”. Он ему интересен. Притягивает, как пламя бабочку. Лети, лети. Видимо, под влиянием русского окружения меняется его отношение к России. Пишет, что прочитал роман Достоевского – как студент убил женщину, ссудившую его деньгами. Еще пишет, что едет в Рим, в связи с чем приобрел толстый путеводитель по Италии, тоже по-русски, автор – нечто среднее между Мюратом и Маратом. О том, будет ли в Берлине, – ни слова. Следовательно, будет. Взял за правило делать мне сюрпризы – как Гюнтер когда-то. Для этого, дружок, надо было на мне жениться. В прошлый приезд ходил за мной тенью. Куда я, туда и он. Интересно, хватило бы духа войти следом за мной в штаб-квартиру НСДАП?»

Спустя восемь лет на это хватит духа у ее отчима, не понимавшего, что он – ходячий компромат на того, у кого он пришел искать заступничества. И тут выясняется, что от берлинского ресторана «Веймарер Хоф» рукой подать до самого Ейтмара. В его окрестностях, в Бухенвальде, герр Фридлендер будет забит до смерти.

«1.1

Многие из своих же за его спиной шепчутся: *маленький Йозик с Даленерштрассе*. Раз шепчутся, то боятся, чувствуют силу. Новый год я встречала ”в нетипичной обстановке”, в пивной в Кёпенике. Бедный Йозик! Его главная беда, что он не похож на арийца. Спрашиваю о романе Достоевского. – ”Преступление и наказание”? Им Россия будит в нас со всем пылом христианскую веру... – и, словно спохватыва-

⁵⁷ Вестники любви (*фр., устар.*).

ясь, вспыхивает: – Но только если допустить, что евреи распяли не Христа, а Ницше”. Странно, что я расхохоталась громче других. Во мне пробудилось воспоминание о тех днях, когда со всеми вместе я пела «Ха-Тикву». Теперь понимаешь, насколько это было нелепо. “Где ты родилась? – В Берлине. – А Берлин где? – На Шпрее. – А Шпрее где? – В Германии”. По радио передали финал Девятой. Потом выступал Брюнинг. Повинуясь внезапному порыву, я воскликнула: “Я пью за то, чтобы через год к нам по радио обратился – вот кто!” Когда твои слова в ту же секунду сто человек подхватывает, как один, это ни с чем не сравнимое чувство. “Теперь вам ничего другого не остается, как вступить в партию”. – “Уже вступила, дальше”. – “И стать моей женой”. Стать женой *слабенького Йозика с Даленерштрассе*? Ужас. Превратиться в Магду Геббельс. А если их ненависть угодна Богу? Нет, это безумие. “Быть безумным значит быть мудрым, быть слабым значит быть сильным, ненавидеть значит любить” – катехизис сестры Урсулы, ответы, которые мы хором произносили. О, если б так оно и было! Тогда Магда Геббельс стала бы идеалом немецкой женщины: *наши жещины – наше вино*.⁵⁸ Священная Римская Империя Германской Нации окажется немыслима без Магды Геббельс. И через тысячу лет восхищенно будут взирать на твое изображение, как сегодня взирают на статую Агриппины в villa Albana».

«1.V

Впервые ответила Хаиму. Надписывая конверт, воображала себе, как он набросится на него через десять дней. Он разорвет его своими дрожащими пальцами, коснется бумаги, благоухающей моими духами. “Хаим, я буду тебе признательна, если ты перестанешь мне писать. Я выхожу замуж”».

«2.V

Да, совсем забыла. Прорезался герр Ритшель, как прорезывается зуб мудрости: тибетские звезды сулят мне такое – страшно выговорить. Чтоб я не смела этого делать! Бог шельму метит⁵⁹ (Впоследствии Оскару Ритшелю все припомнят – когда он изъявит желание покачать своих высокородных внучат.) Заодно со звездочетом мать: “Он же похож на черта. Посмотри на него и на себя. А жить на что ты будешь? Как только вы поженитесь, ты же лишишься своей ренты”. – “Мама, как гауляйтеру Берлина ему из партийной кассы выплачивают восемьсот рейхсмарок”. – “Гауляйтеру Берлина... Мадонна! Они придумывают себе сказочные титулы, в которые сами верят. А ты, за то чтобы поиграть с ними за компанию, готова лишиться четырех тысяч в месяц”. – “Мама, если они победят, вся Германия будет у моих ног. А если победит Тельман, я все потеряю в любом случае”».

Те же резоны Магды насчет замужества приводит и Курт Рисс со слов Аугусты Беренд – мать Магды сменила не одну фамилию, пока не вернулась на свою девичью.

Далее – о том, что произошло между Хаимом и Магдой тринадцатого августа, ровно за четыре месяца и шесть дней до ее бракосочетания, которое первоначально предполагалось совершить по католическому обряду, но епископ Берлинский отказал ей, разводе, в епископском благословении, так что: «нас не в церкви венчали». Ничего, никто не плакал навзрыд. Свадьбу сыграли в Мекленбургском имении Гюнтера Квандта. *Happy end* по-немецки. (А на свадьбе Аугусты с Рихардом – с изделиями из кожи Рихарда – посажёным отцом был Оскар Ритшель, генетический отец будущей дочери жениха. Тоже прелесть. Всеобщие мир и

⁵⁸ *Unsere Frauen sind unser Wein* – однако в тексте немецкого гимна *sind* (суть) отсутствует. Т. е. по-русски вместо тире следовало бы поставить запятую.

⁵⁹ У нее заковычно-просторечное «*Nix gibt's umsonst*», «Ничё нет зазря» – но чтобы речь дышала, а не была русскоязычной мумией оригинала, приходится фантазировать. Это справедливо и для дневника в целом, воспроизводить который буквально, не “беллетризируя”, – умучить читателя вконец.

благорастворение.) Потом молодые отправились в Бабельсберг, на виллу к Квандту. Рисс насчитал в ней двадцать две комнаты – не иначе как по числу букв еврейского алфавита – располагалась же она в трехстах метрах от того места, где тринадцать лет спустя Сталин, Трумэн и Бевин подпишут Потсдамское соглашение.

До сих пор единственным источником наших – и не наших, и прочих, и каких угодно – сведений о последней встрече Арлозорова с Магдой была запись в дневнике самого Геббельса. И то долгое время упоминаемый им «студент Ганс» существовал на правах фантома, не будучи идентифицирован. Просто обезумевший от любви поклонник угрожал ей пистолетом, прогремел даже выстрел, но, по счастливой случайности, пуля угодила в притолоку. То, что столь удивительная женщина, избравшая его своим мужем, способна внушить такую страсть «студенту» – воображению тут же представляется сочетание молодости и интеллекта – все это не могло не льстить калеке, а лезть – кривое зеркало. Уже исходя из одного этого, к дневниковой записи Геббельса надо относиться с осторожностью. Достоверность его свидетельства умаляется еще и тем, что он описывает произошедшее с чужих слов. Они могут быть им сознательно или несознательно искажены – раз, и два, кто поручится, что рассказанное ему Магдой – правда. Еще один *Расёмон*.

«13. VII ("Теперь мы обо всем узнаем из первых уст", как выразился пару недель назад телеведущий Грилев, – имея в виду уста президента.)

...Не впускать его? Но было уже поздно. Вся моя одежда – это отороченный пухом пеньюар. Я знаю, что привлекательна. Тем хуже. "Я предупреждала тебя. Немедленно уходи". – "Магда, это невозможно, ты бросаешься в костер."⁶⁰ Выслушай". – "Нам не о чем говорить". У него в руке какая-то книга. Он швыряет ею чуть ли не в меня, раскрытая, она падает на пол. "Что это, путеводитель по Италии? Или Достоевский? А может, путеводитель по Берлину – ты здесь давно не был". – "Погоди. Если ты думаешь, что для меня играет роль, кто он, то ты ошибаешься. Мне это безразлично. Но другие отвернутся от тебя". – "А мне безразличны они, те, кто отвернется. Я знаю их и презираю. Синагогальный ротатор...⁶¹ – "Магда, одумайся, я тебя люблю!" – "Возьми себя в руки. Закуси до крови губу. Сожми кулаки. Pousse! Respire! Ну! Будь же мужчиной". Он пытается меня обнять – быть мужчиной. Кто сильней? Тот, кто хитрей. "Хаим... не так же... я сейчас". Возвращаюсь с пистолетом в руке. Он этого не ожидал. "Стреляй, мне предсказали, что меня убьет женщина, – делает шаг вперед. – Давай, что же ты?" Я стреляю в пол, попадаю в книгу. "Еще один шаг, и я выстрелю в тебя. Ты меня знаешь, у меня рука не дрогнет. Тем, что я тебя убью, ты ничего не добьешься. Тебя похоронят, а меня оправдают. Уходи". Я опускаю пистолет».

Без малого через два года Арлозоров снова в Германии, он пытается встретиться с Магдой Геббельс. В стране победившего национал-социализма это было безумием. Но Арлозоров наделен в малой степени чувством самосохранения. Оно невозможно без умения мимикрировать, что в свою очередь требует большей гибкости и меньшей самоуверенности – того самого местечкового самомнения, о котором пишет Магда. А еще *благодаря своим очкам он был типичнейшим образом близорук* (парадокс). Его выручал интеллект – мощный «черепной» интеллект еврея-начетчика, как сказали бы недоброжелатели, или еврея-талмудиста, как сказали бы их оппоненты. Он «сильно» мыслил – «глубоко», «объемно», как угодно, – создавая впечатляющие конструкции, по-нынешнему модели, на основе которых выстраивалась внешняя политика ишува. Очки знайки – и не только очки,

⁶⁰ Явный намек на Вагнера: Брунгильда (валькирия) бросается в пламя, охватившее Валгаллу, последнее прибежище павших воинов.

⁶¹ Rotationsynagoge, выражение, изобретенное Геббельсом для обозначения «еврейской» прессы.

мозги тоже – вулканический темперамент, обязательный для еврейского политика того времени набор языков: русский, польский, немецкий, английский, французский, не считая иврита (первые два с пеленок, на третьем учился – в том числе учил четвертый и пятый – ну а иврит выучивают все, кому суждено жить на Земле обетованной, даже такой тупица, как автор этих строк, сподобился). Но земля глава политотдела Сохнута что-то прошляпит, не учет, не примет во внимание, причем еще на начальной стадии, то это «что-то» у него разрастется в «нечто», видимое невооруженным глазом, превратится в слона – Арлозоров этого-то «слона» так и не приметит: раз он не предусмотрен моим гениальным планом, его не существует. У него бывали гениальные решения. Но у политика (еще один парадокс) политического капитала по определению быть не может: в случае неудачи никакие прошлые заслуги ему не зачтутся.

Бессмертный принцип хождения по граблям *чем хуже, тем лучше* – бессмертный же, потому что им руководствуются от сотворения мира и, вопреки всем шишкам, будут руководствоваться до скончания веков – этот принцип в его сионистском варианте, как известно, звучал так: чем хуже евреям там, тем скорее сбудется наша «тиква». Поэтому там, где евреям жилось хорошо, где пятьдесят один процент от общего их числа – предприниматели, десять процентов – адвокаты, пятнадцать процентов – врачи, а остальные – звезды эстрады, там, то есть в Германии, сионистов жаловали лишь те, кому эти проценты были как острый нож. И когда эти «те» всенародным волеизъявлением пришли к власти, руководство ишува великой беды, мягко говоря, в этом не усмотрело. «Первое апреля 1933 года могло бы ознаменовать возрождение еврейства» (Роберт Вельтш, главный редактор сионистского «Юдише Рундшау»).

Таких, как Жаботинский, кто все предвидел, были единицы. Да и те, кто предрекал апокалипсис, до конца сами себе не верили, помня немецкую поговорку, что «съедено будет не таким горячим, как приготовлено» («Es wird nichts so heis gegessen, wie es gekocht wird»). Говоря по-русски, не так страшен черт, как его малюют). «Кто мог тогда знать...» – обычное оправдание. Заметим, оправдание *своей* слепоты, чужую никто оправдывать не будет, наоборот, других бьют отчаянно. Угадывающие правильный ответ в первых рядах бичующих: а почему *мы* все понимали? А перелистнешь эту страницу их жизни, и следующая вся в проколах, которых не искупит предыдущая. Тем более, что «я предвидел! я предупреждал!» напоминает изображение джигита в натуральный рост с дыркой на месте лица, в которую поочередно просовываются торжествующие физиономии: «Я же говорил!» А говорили они, один – «белое», другой – «красное», третий – «зеленое», четвертый – «коричневое». История не знает несбывшихся предсказаний и, соответственно, неправильных действий. Переоценка происходит со сменой исторических декораций. «Эндлосунг» (окончательное решение) возможен только с падением занавеса. Но кому решать, когда – перефразируя поэта – *в зале публики нет?*

Изнутри прикованный к историческому событию, в поворотный момент ты и впрямь не знаешь, куда повернет. Зато, помня, что *неожиданное и смелое решение* часто бывало единственно правильным, а принявший его оказывался в пророчках, ты без труда подыскиваешь обоснование (оно же потом послужит тебе оправданием) для самых фантастических проектов, если к ним по той или иной причине лежит душа: возьмем Яира Штерна, искавшего у немцев поддержки в борьбе против англичан в сороковом году. Когда в Польше в том же сороковом году по приказу Ганса Франка загоняли евреев в гетто, обещая самоуправление, это воспринималось – некоторыми из них – как «знак национальной независимости, которой желал каждый еврей» (Эли Барнави, Саул Фридлендер, «Евреи и XX век»). Тогда же из Галиции многие тайно пробирались на занятую немцами территорию, вообразив, что из двух зол меньшее – по ту сторону.

Арлозоров был из числа тех, кто поздравлял себя с победой национал-социалистов, «ознаменовавшей возрождение еврейства». В этом по тем временам не было ничего зазорного, сам Роберт Вельтш, напечатавший это в своем журнале, умер в 1982 году в Иерусалиме, девяностолетним, наверняка всю свою жизнь твердя: я же говорил. В апреле 1933 года Арлозоров, с ведома и при поддержке верхушки лейбористской партии, отправляется в Германию – налаживать с новой властью контакты, – скрыв, правда, через кого, о чем все равно ревниво подозревала его жена, его вторая жена, у которой от него был сын.

Точка в отношениях с Магдой была поставлена пулей... О попытках их возобновить, с благими, разумеется, намерениями – то есть на благо своего народа, – об этих попытках позднее писали, как и о том, что они успехом не увенчались. Точка многоточием не обернулась. Тем не менее «заклучение пакта с наци» стоило Арлозорову жизни, честь еврейского народа была отомщена. Такое мнение бытовало, отчасти как бы извинявшее его убийц, Ставского и Розенבלата. В психологическом плане это был компромисс, ведь для самих лейбористов причина убийства – звериная ненависть правого «Бейтара» к сионистам-социалистам.

О Магде тогда никто понятия не имел, а кто имел – тот молчал. Но раньше или позже это должно было всплыть. В самом Израиле сменилась политическая картинка, в новую сюжет с Магдой вписывался. Коррективы в него вносит обнаружение ее дневника, подлинность цитат из которого в их русском варианте может быть оспорена, ввиду принятых мною на себя обязанностей «тупейного художника». Ибо – здесь я открою маленькую тайну, если только она не секрет полишинеля, – и для самого элитарного писателя, снимающего квартиру в элитном доме из слоновой кости (из «слонового Кости»), благосклонное внимание читателя превыше всего.

«8 апреля.

Вчера на Хедеманнштрассе⁶² на мое имя (!) приходит письмо из попечительства св. Терезы, учрежденного для ухода за больными и немощными сестрами во Христе. Город, в котором это богоугодное заведение размещается, мне довелось однажды посетить. Тогда он назывался иначе. Меня на скверном немецком извещают, что некая *Szwester Urszula* желала бы со мной проститься. Если я хочу заставить ее в живых, приехать надо безотлагательно, дни ее сочтены. Письмо мне передал Зепп – вскрытым. Извинился: таков порядок. Он был вне себя: "Писать *Schwester* через *sz* в Лемберге могут только нарочно. И поставить кляксу. В этом выражается польское самосознание". О, да нас поймали на слове! Ты обещала кому-то в трудную минуту прийти на помощь и позабыла взять обещанное назад. Бездна влечет. Сколько раз она тебя призывала, столько раз ты в нее кидалась. И всегда трепетала не от страха, а от счастья. Пароль *Loeopolis*. В шесть на скамье перед оперой. "Ты прав, Зепп, это намеренное оскорбление. Это писалось в расчете на тебя, что ты прочтешь. И что я не поеду, не исполню свой долг. А как-то жить с чувством неисполненного долга, не мне тебе говорить". – "Поедешь не ты. Моя жена не поедет, вместо нее поедет фрау Квандт. И горе тому, – он принялась грозить пальцем, как будто перед ним была не я, а затаивший дыхание зал "Дворца спорта," – и го-о-ре тому, кто замыслил провокацию!"»

Выполнила ли она предсмертное желание своей воспитательницы, ездила ли она в *Loeopolis* с паспортом на имя Магды Квандт? На протяжении более чем ста лет безмолвная участница свиданий, эта каменная скамья с вытесанными по бокам гербами – графов Скарбеков с одной стороны и Львигорода с другой, – она стоит и сегодня, как стояла, когда будущая фрау Дейчингер украдкой приходила на свидание к своему жениху, тоже, наверное, вся трепеща не от страха, а от блажен-

⁶² Там располагался штаб гауляйтера Берлина.

ства. Если Магда и отважилась повторить свое «Путешествие в Лемберг», то на этот раз обошлось без путевых заметок. Она всю жизнь играла по-крупному и кончила как всякий, кто ставит на кон все, даже то, что ему не принадлежит, — и проигрывает. Вполне способна была поехать, незримо окруженная, скажем так, заботой своего супруга. За это говорит и череда странных неудач, которые сопутствовали Арлозорову в последней его поездке по Европе, больше напоминавшей петляние затравленного зайца, чем вояж сионистского функционера в ранге министра иностранных дел. За это говорит и «подлый выстрел» — ибо аналогичен тому, о котором невольным хореом писал академик Благой: «Подлым выстрелом в живот Пушкин был смертельно ранен». Наконец, за это говорит запись в дневнике Магды от 19 июня.

Последняя запись в дневнике Магды Геббельс:

«Пусть Зепп не обольщается, это был *мой* выстрел, но пуля летела долго. Если б возродили, по его совету, обезглавливание,⁶³ возможно, пример Матильды меня бы и вдохновил. "Какая из женщин сегодня решилась бы дотронуться до отрубленной головы своего возлюбленного? Бонифаса, вероятно, любили такой любовью, которой можно гордиться"».

Как прикажете это понимать: «Пусть Зепп не обольщается...» — что «Зепп» получил некий рапорт? Такого примерно содержания: «Встреча со студентом Гансом, долгое время откладывавшаяся по вине последнего, прошла успешно. Макс и Мориц».

Это очень убедительно. Его убили немцы. Русские ни при чем, арабы тоже, евреи тоже. И только эхо от Симиных криков «Его убили евреи!» все еще где-то носится — как Дух над водами.

Но конспект случившегося в *чаще*, сделанный рукою Акутагавы, и расшифровка его Курасовой в *Расёмоне* имеют в основе своей четыре свидетельства: разбойника, женщины, самурая и самого рассказчика — дровосека (тоже уличенного в своекорыстии одним из слушавших). Рассказчик, чья история выносится на суд публики, вправе дать показания в этом же суде наравне с тремя другими свидетелями. Прецеденты бывали. Обвинителя на *Нюрнбергском процессе*, по его желанию, приводят к присяге в качестве свидетеля — тоже стоящий фильм, хоть и не *Расёмон*.

В нашей истории нет четвертого угла — нет дровосека. Он — это я. Пришла очередь моего свидетельства. Для этого придется отложить на счетах жизни несколько десятилетий.

С годами человек может запомнить или спутать любую дату — день рождения близкого человека, день его кончины, даже день собственной свадьбы — и ломать себе голову: так когда же это было, семнадцатого или восемнадцатого? Я вечно путаю, когда мы с Сусанночкой поженились. Но как век не забудет узник дня и часа своего вызволения, так покидающий навсегда Земблю⁶⁴ эмигрант век не забудет день и час, когда ракета стартовала. Это было четвертого мая 1973 года в девять утра в Пулкове — а на три я получил повестку явиться на Литейный. Лапа медведя достаточно лениво замахнулась на меня, отсюда и нестыковка. Сусанночку они уже несколько раз тягали — в милицию на Обводном, где двое юношей в штатском беседовали с ней на языке Хармса: «Сколько этажей в вашем доме? А большие ли огурцы продаются в вашем магазине?» — «Пять, — врала Сусанночка, помня завет Швейка: им — правду — никогда. — А огурцы такие, что ими можно убить человека». — Ее, избалованную офицерскую дочку, дочь военврача, всю войну проработавшего на передовой, трудно было запугать. Пугливость, опаска,

⁶³ Введенная нацистами смертная казнь через гильотинирование сохранялась еще некоторое время в ГДР.

⁶⁴ Вымышленная страна в романе Набокова «Бледное пламя».

«обегание всех деревянных мест» – по любимому ею выражению – все это придет с рождением первого ребенка, а тогда на вопрос: «Не обижает ли вас свекровь?» она отвечала, руководствуясь все тем же швейковским *ври!*: «С чего это вы взяли? – и нахально шла в плаксивое контрнаступление: «А-от спаги у меня сперли в мастерской, они семьсот стоили рэ, а мне со всех дел тридцатник заплатили, а? Скажите содействие, а?»

Свекровь-то их и интересовала, а с кого, как не с молоденькой жены сына, начинать. Где начали, там и кончили. Не то что Сусанночка – ни один мамин ученик им службы не сослужил. Допросы прекратились после того, как какой-то школьник незаметно записал на кассетник свой разговор со следователем. Попытка расправы, шитье уголовного дела – это исходило от дирекции: эрекцию бдительности она демонстрировала с перепугу. Характерны методы – характерны для общества, а не только для нескольких «партийных» бюрократов с консерваторскими дипломами. Сегодня говорят «нравственный беспредел», сводя воедино лексикон блатного мира и божьего, что тоже характерно. Из кабинета проректора консерватории позвонили к родителям студента Бродоцкого: «Срочно приезжайте, с вашим сыном несчастье». А что, и правда несчастье («что, мы врать будем»), в разгар зимней сессии отчислен, и мало того, теперь еще загремит в армию. И все-то за то, что не дал показаний против своей бывшей учительницы, к которой его привели когда-то шестилетним.

Женя был вскоре восстановлен – благодаря родительским связям и своей явной непричастности к сионистскому подполью, – так и представляешь себе Ахимеира, Ставского, Розенבלата, в защиту которых пишет письма Андрей Сахаров. Когда сетуют на «нравственный беспредел», то понять уже ничего нельзя, путаница в головах полная. Что хуже: предельная нравственность или беспредельная? Незванный гость или татарин? И если да, то чем? А если нет, то нет. На нет и суда нет.

Ожидание визы или, наоборот, отказа в ней с последующим превращением в *отказника*, «предателя среди нас» – без работы, при полном отсутствии социального иммунитета – было кромешным адом. В те три месяца, что оно продолжалось, рак унес моего дядю Исаака, могучего человека, который теперь, иссохший как мумия, агонизировал посреди чемоданов. Ритуальное задаривание профессором при очевидной обреченности большого сопровождалось ликвидной лихорадкой, знакомой всякому, кто в те времена «был в подаче». И притом ни на миг не отпускала мысль: а что как дело о мздоимстве учительницы или что-нибудь такое-этакое им удастся сварганить? Кто сказал, что «на нет и суда нет»?

Им не удалось посадить маму в тюрьму, но своим заточением в психиатрическую лечебницу в Тальбии она обязана им. Она то выходила оттуда, то снова возвращалась туда – в последний раз потрясенная гибелью своей сестры от рук террористов, – пока однажды волны Средиземного моря не вынесли на берег ее тело. Рабочий сцены сказал мне в перерыве, чтобы я спустился на проходную. Сначала я увидел девятилетнего Иосифа, затем Сусанну с двухлетней Мириам. Была суббота, ясное утро. Накануне шла «Катерина Измайлова». Сусанна была в дождевике, в туфлях на босу ногу. Первая мысль: «Кто, папа или мама?»

Не в пример консерваторскому, филармоническое начальство каких-то специальных кровожадных инициатив не проявляло, ограничившись в отношении папы и меня предустановленным свыше регламентом. Да им особенно было и не вернуться: с оркестрантов что взять? Торжественно из комсомола меня изгонять не пришлось, ввиду того, что я в нем никогда не состоял. По той же причине папу не пришлось исключать из партии. (Мое вызывающее *нечленство* прозевали, когда зачисляли меня в штат, – и так же точно, вопреки родительским предостережениям, оно сошло мне с рук при поступлении в Московскую консерваторию.)

Нас только отстранили от работы с переводом на половинный оклад и созвали два народных собрания, где каждый второй выступал и клеймил – по сути себя же, за то, что выступал. От имени Мравинского зачитали краткое послание о любви к родине. Темирканов присутствовал, но всем своим видом демонстрировал неучастие в происходящем: не проронил ни слова, не восседал в президиуме, а почему-то оказался рядом со мной на диванчике у стены, куда мне было указано сесть, – таким образом, импровизированной скамьи подсудимых не получилось. Он словно давал понять, что симпатизирует нашему отъезду, который при случае ему могли поставить в вину, – тогда еще никто не ожидал, что через несколько лет разбежится вся скрипичная группа, и на замечание, сделанное Мравинскому в Смольном: «Что же, Евгений Александрович, от вас люди-то убегают», – этот изверг рода человеческого ответит: «Это от меня? Это они от вас убегают».

Сегодня я слышу разное о Темирканове, главным образом подтверждающее ту незыблемую истину, что «главных дирижеров надо душить в зародыше». Однако тот Темирканов, которого я знал, никаких иных чувств, кроме признательности, во мне не вызывает. За несколько дней до отъезда – старта моей ракеты – мы столкнулись на Невском, лицом к лицу, в двух шагах от Филармонии. Я не знал, как он себя поведет, к тому же он был не один. На мой полукивок он остановился, спросил, скоро ли я уезжаю, и на прощанье обнял меня – лепрозорника. Такое не забывают.

Верили ли родители в мое писательское призвание? Может быть, на всякий случай «ничего не исключали», но они, бесспорно, считали эту мою страсть благородной и питали к ней уважение. По этой же причине не меньше моего их удручала невозможность вывезти ворох бумаг, представлявших собою роман под красноречивым названием «Боль в стране инфузорий». Его героям, одноклеточным из семейства *monas prodigiosa*, выпало небывалое: загранкомандировка в Москву – благодаря свойству оставлять кроваво-красные пятна на сухих местах. («Появление таких пятен на кушаньях и особенно на освященных опресноках не раз возбуждало фанатизм против евреев, которые сотнями платились за это жизнью», – прочитал я в статье «Биченосцы, или Жгутиковые» в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.) В мартовском небе запахло обыском – когда маминого знакомого, взявшегося протащить пленку с моим романом, увезли прямо с грузовой таможни в погранчасть. К вечеру его отпустили, пленку сожгли. Я целый день проездил в метро с чемоданом, полным рукописей, – твердя сквозь наворачивающиеся на глаза слезы обиды за себя, за каждый листок, давшийся таким трудом: «Как преступник... как какой-то преступник...». В конце концов решено было оставить этот чемоданчик до лучших времен у Жени Бродоцкого, дополнив его еще моими детскими рисунками, тоже, видите ли, «не подлежащими вывозу».

Но с наступлением лучших времен я, позабывший и думать о своем чемоданчике, не больно-то рвался вступить во владение схороненным в нем. В кои веки раз приезжаешь, чаще в Москву, начинаются какие-то дела, какие-то развлечения, беготня, а тут из сентиментальной верности прошлому надо «оживить недоносок» (Баратынский). Немного совестно, правда. Семнадцать лет чемоданчик дождался меня на даче у Бродоцкого, в нем моя юность продолжала жить своей жизнью. «Все в порядке, все на месте», – сказал Женья, когда мы как-то раз встретились. Нет-нет, а все же наведываешься в страну, говорящую и думающую на твоём языке, тем более, что умудрился даже кому-то полюбить, – кому-то, впрочем, наоборот. Главное, нельзя сказать, что совсем обделен вниманием.

Проходит еще семнадцать лет. Русский триколор уже давно не противостоит советскому кумачу, он почтительный его преемник. Это в порядке вещей. Старея, узнаешь в себе своих родителей, а в своих детях себя, и тогда понимаешь то, от чего на сердце у тебя вдруг начинают скрести кошки. (А в России – там свои кошки: тоже было свое пионерское детство, свои советские в доску родители и коззо-

ны с кристалликами.) И тщишься «отыскать еще не уничтоженный, теплящийся след существования отца» (Платонов).

В последний раз, что я приехал, мы поговорили с Женей – по-моему, я даже не звонил, а мы встретились случайно на Малой Конюшенной, ох уж эти случайные встречи, как во сне, так и верь им! Значит, когда он поедет на дачу, чтоб взял меня с собой. Зима, электричка, станция – удачная (дачная!) кулиса для «сомнамбулического экскурса» (Набоков). Дорога от станции: мимо бани с парикмахерской впритирку, за ней ларек. Петербург Петербургом, а область осталась Ленинградской. Пришли. Мгновенно вспомнил чемодан, перебираю: тетради – хорошо, что не дали вывезти. Рисунки куда интересней, они – палимпсест, каждый поверх чего-то: пса-рыцаря рисовал под радиопостановку «Левша». То вдруг всплывает в памяти «Борец и клоун», фильм, – это вернувшись с него, рисовал цветными карандашами Поддубного, для наглядности мускулатуры положив перед собой «Мифы» Куна, а усы и пробор сличая с «Милым другом», раскрытым на картинке... на какой-то там картинке. Дата и подпись: Папа учил, что всегда надо ставить число. А подписываться я и сам был горазд – пусть знают, что рисовал не старший помощник младшего дворника, а Л. Гиршович. Ниже чернилами написано: «Русский борец Иван Поддубный, 5-А класс, отряд...» То, в чем я участвовал, называлось, кажется, «Олимпиадой культуры». В нашей школе она проходила не по полной программе: не выступали кружки музыкальной самодеятельности – девочки в пубертете не пели, возводя глаза к потолку: «Школьные годы чудесные...», под аккомпанемент уже осыпавшейся от ветхости Надежды Иосифовны Рейнхарт, чья палка стояла прислоненная к пианино... к пианине? В нашей школе такой вопрос бы не возник – у нас «пианины» исключались абсолютно, во всех классах стояли рояли.

Стоп. Это уже не я, эти три мне вернули по ошибке – их нарисовал другой художник, С. Крупин-Вайзер. «Страшное открытие» – космонавты видят, что Луна – только половинка шарика, без оборотной стороны. Еще рисунок: «Страшная танкистка» – в нимбе откинутого люка псиглавец с огромным бантом (вспоминается хоровой класс: наискосок Никитич, словно в подарочной упаковке, и Крупин угощает тебя из пластмассовой коробочки жареными пельменями, от которых потом лоснятся пальцы – и вставочка тоже).

Ага! «Страшная тайна. Убийство на пляже». И что же я теперь вижу – потому как тогда за «тайну» принималась таинственность: мол, чего там изображено, на рисунке-то? Двое на одного, что ли? Рядом женщина какая-то, в море корабль взрывается: из борта – пучок лучиков. Тогда это казалось загадкой. На самом деле это была разгадка. Я не обратил внимания на одну деталь, да она бы мне ничего и не сказала: из сумочки у женщины тоже вырывается пучок лучиков в барашках дыма. В направлении дерущихся.

О, как Жаботинский ошибался, говоря: «Последний свидетель – Вайзер (идиот, который сидел на берегу с девушкой, чей цвет глаз он даже не заметил), находясь в двадцати метрах, вообще ничего не видел, и только подбежав, увидел женщину и раненого человека». Может, и идиот, но отец Крупина все отлично разглядел, подтверждением этому рисунок сына. Он, Вайзер, потому и оказался в двадцати метрах от места убийства, что ему было приказано не спускать с Арлозорова глаз. Не исключено, что его – или его друзей – опередили. Как опередили и подстерегавших Арлозорова «Макса» и «Морица», у которых в очередной раз украли победу, – с ними это постоянно (в Берлине, похоже, об этом так и не узнают: «Пусть Зепп не обольщается», – писала Магда).

Крупин запечатлел некое семейное предание. Он рос в семье, которая была не как все – чем он гордился или утешался и о чем помалкивал, но не всегда удавалось сдержаться. Девиз «Моя семья – моя крепость», спасительный для бездомных, сохранял щелочку в палестинском алькове родителей. Хотя мы родились с

ним в один год, зачат он был на тель-авивском пляже в тридцать третьем. Отсроченное рождение в пандан отсроченной смерти, когда пуле на то, чтобы поразить цель, потребовалось почти три года.

«Колтуну сорок с лишним. Взгляд утомленного еврея-интеллигента, шапка черных волос, которые не берет ни одна расческа, маленькие усики», — так пишет Ахимеир о сокамернике по прозвищу Колтун. Этот уже тронутый сединой колтун я помню.

Жаботинский недоумевает: как могла она оставить мужа на случайных прохожих, когда пуля в живот — это так болезненно? Зачем самой бежать в отель — позвонить? Нельзя было послать кого-нибудь другого, кто и добежал бы быстрее? Моя бы Аня...

Не дай Бог, за ним с Аней увязались бы ночью двое, и он с ними схватился бы аж до потери пуговиц на пиджаке — а в этом смысле они с Арлозоровым были одного поля ягода: одинаково бесстрашны и одинаково близоруки. И когда они сцепились, Аня, вместо того, чтоб в воздух, пальнула в них, да еще не метаясь, через сумочку, может, засуетилась, неловко доставала, и дело вовсе не в фильме про роковую страсть.

— Евреи убили его! — кричит она в отчаянии и одновременно в попытке снять с себя вину.

— Нет, Сима, нет (или: нет, Аня, нет), — он мыслит наперегонки с болью, стоя на четвереньках. — Это были арабы... запомни...

Его мысль не затуманена, ей еще отпущено два часа. Потом наркоз ее реквизирует, обещая вернуть... но кому возвращать? («Солдат с войны домой пришел, а дома нет — проехал танк», — поет хор обмундированных по-тогдашнему. А ты им: «Соловьи, соловьи, не будите солдат». — «А их уж и не разбудишь ничем».) Она должна уничтожить все улики... простреленная сумочка еще опасней пистолета... пистолет у нее могли вырвать... простреленная с одной стороны... куда угодно выбросить... запрятать... пусть скажет, что ей надо в отель... там телефон...

Его мысль о ней, своей невольной убийце. («Да, я заплакал, сразу после выстрела — оттого что впервые в меня проникла пуля... Теперь у меня в животе, в какой-нибудь складочке — я же согнулся, а когда я сгибаюсь, то на животе образуются складки — например, в той, в которой с детства любит прятаться мой пупок, появилась дырочка величиной с горошину, что уже само по себе непоправимо... А еще заплакал, горько-горько, оттого, что представил себе, каково ей — как яд непоправимости проникает в ее сердце, а также от досады, что вопреки всему еще, может быть, не поздно...»)

— Сима, это были арабы... — и еще долго, уже на больничной койке, настаивал: — Стреляли арабы... — о чем есть свидетельство медсестры Лолы Блюмштейн и полицейского Шмулика Шармейстера, но ни следствие, ни суд не приняли это во внимание: Сима уже опознала Ставского. И еще, как показывает та же медсестра, он очень беспокоился за Симу и все повторял: придет ли она... когда она будет... что с ней...

Сима до конца своих дней настаивала на том, что убийцей был Ставский. Пусть психиатры и психологи в этом разберутся. Кровь Арлозорова десятилетиями лежала проклятием на правых. В идеологии, как и в вопросах веры, всякое сомнение — отступничество. Став главным персонажем идеологических мистерий, когда убийство Арлозорова только что не разыгрывалось ежегодно, Сима навсегда осталась при своей роли. Даже родная сестра в конце концов призналась: всегда втайне думала на немцев. Сима была подобна магу побежденного Митры, который трагически хранил Ему верность, презрев обратившийся в христианство мир.

Объективно нарисованное Крупиным ничего не значит — это, как говорится, не более чем факт моей биографии. К тому же нет ничего принципиально нового в утверждении, что сама Сима и стреляла. Замечу только: при выстреле, произведе-

денном сквозь сумочку, пуля, пройдя в теле не меньше двадцати сантиметров, в нем бы застряла. Сразу сами собой разрешились бы вопросы баллистики: средне-статистической женщине, стреляющей сквозь сумочку, не попасть среднестатистическому мужчине выше пояса. Поворот же кисти делает неизбежным прохожде-ние пули вверх в направлении лопатки. Так мне объяснили.

«Я слышал, что его лишили палестинского подданства и собираются изгнать из страны». Ахимеир не в курсе, родители Крупина еще долго жили в Палестине. Государство было провозглашено в ночь на 14 мая, а корабль с оружием для правых, не пожелавших стать под начало Бен-Гуриона, был потоплен по его прика-зу 22 июня. Очевидно, история с «Альталеной» – судно называлось в честь литера-турного псевдонима Жаботинского – тоже входила в семейный канон. На рисунке убийство, совершенное в тридцать третьем году, происходит на фоне потопления «Альталены». Анахронизм, впечатляющий своим скрытым смыслом. Сеня слышан-ное дома воспринимал вне контекста истории. Его воображение поразил случай: женщина стреляет, не вынимая пистолет из сумочки, и попадает в собственного мужа, ночью, на пляже. Другой случай, когда с того же места по кораблю – пах! пах! – из пушки. Люди прыгают в воду, спасаются вплавь.

Но спасаются не все. Среди погибших – Авраам Ставский. Признанный винов-ным, он тем не менее по решению суда был освобожден из-под стражи «за отсут-ствием второго свидетеля». Согласно турецкому законодательству, действовавше-му на подмандатной территории, это делало невозможным вступление приговора в силу.

Ставский вернется в Польшу, женившись, эмигрирует в США, но свою смерть он найдет в виду тель-авивского пляжа – от рук однопартийцев Арлозорова, почти на том же месте, едва ли не в один с ним день по еврейскому календарю. Тоже отсроченная смерть? Рассказывают, Ставский собрался отстреливаться и выхватил пистолет. Успел он выстрелить или нет, он так или иначе попал – в кого целился. Огнем с берега командовал двадцатилетний Ицхак Рабин.

Я на две трети успел написать эту прозу, когда узнал нечто из области семейных преданий, относящихся на сей раз к нашей семье – в ее поза-позапрошлом по-колении. Моя четверюродная тетка, которую я видел лишь однажды, которой сейчас за восемьдесят (как говорится на иврите, до ста двадцати) и которая ко-гда-то играла на скрипке в «Оркестре Колонна», – приходится внучкой Абраму Гиршовичу, моему двоюродному прадеду (как опять же говорится, благословенна память его – здесь ненапрасно говорится, ибо так оно и есть). Их было три бра-та, зачин русской народной сказки: Мойше, Борух и Аврум. Мой прадед, Моисей, служивший прокуристом в одесском отделении Черноморо-Азовского банка и, когда в 1916 году его разбило параличом, выбросившийся из окна; Борис, не имевший детей, но оставивший после себя с десятков зданий в С.-Петербурге, в одном из которых читатель почти наверное бывал – кто не бывал в кондитерской «Норд»? И третий – Абрам, раввин. В Йом-кипур 5277 года (1916) он погиб, пыта-ясь перейти линию фронта. Он собирался предотвратить, по его представлению, величайший из грехов: убийство еврея евреем в Судный день. Евреи воевали с обеих сторон. Он хотел договориться, чтоб не стреляли на то время, что продолжа-ется Йом-кипур. Он надел цилиндр и пошел прямо на огневые позиции австрий-цев. Он шел парламентаром Бога...

Эту историю месяц назад привез мой сын из Парижа, где, помимо прочего, нанес «визит любознательности» пожилой даме, проживающей неподалеку от метро «Мальзерб».

Май – 21 ноября 2007 г.